

The illustration depicts a man and a woman in a close embrace. The man, on the right, has dark hair and is wearing a white shirt and a dark vest. The woman, on the left, has long, flowing red hair and is wearing a yellow dress with a floral pattern. They are standing in front of a building with traditional architectural details. In the background, another person in a red coat is visible near a doorway. The overall style is soft and romantic, with a focus on the couple's connection.

О. Гараева • Марина Кравцова

ЗЕРКАЛО НАШИХ ВОСПОМИНАНИЙ

О. Гараева
Марина Кравцова
Зеркало наших воспоминаний

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70480837

SelfPub; 2025

Аннотация

Алиса, молодая журналистка, получает в подарок от деда семейную реликвию – старинное китайское зеркало. И теперь магическая вещь являет ей в видениях тревожные картины прошлого, которые мучают девушку. Выяснив, что историк Лань Тау, представитель влиятельнейшей китайской династии – потомок человека из её видения, Алиса решает поделиться с ним своей тайной и попросить совета – что теперь делать...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	11
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	34
Глава 5	41
Глава 6	46
Глава 7	52
Глава 8	62
Глава 9	69
Глава 10	74
Глава 11	79
Глава 12	85
Конец ознакомительного фрагмента.	89

О. Гараева, Марина Кравцова Зеркало наших воспоминаний

Пролог

Китай, провинция Хэбей, г. Пекин, 1900 г.

– Это случится сегодня! – Цыси постучала длинным ногтем по деревянной поверхности стола и прикрыла глаза.

Китайская императрица сидела на маленьком стуле, напоминающем обычный табурет. Её платье, расшитое множеством знаков добродетели, закрывало всю поверхность сидения, и если бы не нянюшка, поддерживающая пожилую женщину сзади, та бы уже давно могла упасть.

– Госпожа, прольётся много крови! – заговорил один из советников тихим голосом.

– Пусть так и будет, главное, чтобы это не была кровь моих людей!

Юбки зашуршали, а табурет с характерным звуком повалился на мраморный пол, едва не отбив ноги той самой нянюшке, так вежливо придерживающей спину Цыси долгие

два часа переговоров.

Тяжёлые платформы застучали по полу, а наложница, изменившая судьбу Китая, скрылась из виду, оставив в недоумении тридцать чиновников.

Два часа спустя после заседания императорского совета.

– Чжи, а кем ты мечтаешь стать? – зелёные глаза Насти светились как изумруды на солнце.

Она плохо, но говорила по-китайски, ведь жила уже в этой стране долгих три года. А когда начала дружить с Лань Чжи, почувствовала острую необходимость в общении с парнем.

Чжиюй, глядя на прекрасную девушку, улыбался своей идеальной белозубой улыбкой и шурил без того узкие черные глаза:

– Я мечтаю стать тем, кто сделает тебя счастливой, моя ниуню (малышка)...

Высокий, худощавый парень крепко обнимал низкорослую рыжую красавицу с внешностью иностранки, что привлекало внимание всех, кто прогуливался в то утро близ окрестностей реки Джиншуй. Но Чжи это совсем не смущало, и он с упоением вдыхал аромат шелковистых волос, наслаждался единением с той, которую желал всем сердцем.

У этих двоих могла быть вся жизнь впереди, если бы не взрыв, неожиданно оглушивший молодых людей. Он донесся из Посольского квартала.

Весь Бейджинг на мгновение замер, а следом начали

раздаваться душераздирающие вопли. Происходило что-то непонятное. Артиллерийские залпы не замолкали. А люди, после того как прошел первый шок, начали кидаться врассыпную, не понимая, от чего спастись.

Но даже испугавшись, Чжиюй не медлил ни секунды. Он схватил Настю за тонкое запястье и потащил в укрытие.

Дорога до хутуна китайца близ квартала Дун Цзяоминь сан не была длинной или долгой, но запомнилась Насте и Чжиюю на всю жизнь.

Раненые иностранцы в строгих костюмах, делающие последние вдохи, оголтелая узкоглазая молодежь, разносящая тростниковыми палками всё на своем пути, и запах гари в воздухе. Революция, достигшая своего апогея, добралась до столицы Цинской империи и не пожалела никого.

Чжиюй надеялся, что в его доме будет спокойно. Но и в предполагаемом укрытии творилось черт знает что. Глава семейства Лань со свитой друзей сидел за низеньким деревянным столом, на котором парил только что заваренный глиняный чайник, мужчины громко спорили и разбрасывали в разные стороны листки из рисовой бумаги.

Агитки, на которых корявыми буквами, с явным отсутствием навыков каллиграфии, были нацарапаны призывы к вступлению в сопротивленческую армию Синьхуа.

Седовласый старик недовольно взглянул на сына, поймавшего листовку, но его взгляд быстро переметнулся на спутницу Чжи, которая едва сдерживала слёзы. Изумрудные гла-

за выдавали страх и смятение.

– Лань Чжией, для чего ты притащил её сюда, – выругался глава семейства, показав знаком своим гостям, чтобы те затихли.

– Отец, там началась война, Насте безопаснее всего находиться здесь! – парень заметно нервничал, не понимая настроения родителя.

– В город скоро войдут русские войска, она должна быть со своими. Если в нашем доме протестанты поймают белолицую девчонку... – Лань медленно встал из-за стола, нахмурив седые брови. – Нас ждут неприятности!

Мужчины в ярких золотых одеяниях начинали понемногу скалиться, поднимаясь с мест за хозяином. Глиняные гайвани (чашка без ручки), стоящие на резном столике для чаепития, звякали, ударяясь друг о друга.

Настино сердце успело несколько раз замереть, пока Чжи не заключил её в объятия. Девушка была знакома с некоторыми из присутствующих, но такими злыми не видела их никогда.

– Она дочь твоего друга! Отец, что ты творишь! – парень стал практически белым от переживаний.

Ворота за спиной молодых людей распахнулись, и на пороге появился мужчина средних лет с перепуганным лицом и взъерошенными волосами. Он тяжело дышал, по его пухлому лицу стекали капли пота. По всему было видно, что он очень торопился.

– Вот ты где, несносная девчонка, – не церемонясь, отец схватил ошарашенную дочку за руку и без лишних церемоний потащил её на выход.

– Костров, прощай! – крикнул ему вслед старший Лань и прошептал лишь одними губами конец фразы: – Не держи на меня зла...

Сердце молодого китайца сжалось от боли. Чжи кинулся в свою комнату под пламенные взгляды всех присутствующих, а когда уже выбегал из дома, лишь расслышал дикий рёв отца:

– Лань Чжией-й-й!

Чжи нашёл свою возлюбленную лишь через час. Когда он оказался за воротами дома, отца и дочери уже след простыл. Ему пришлось не только побегать по местам, где предположительно могли прятаться русские промышленники, но и поднапрячь мозги, чтобы раскрыть их истинное расположение.

Но всё оказалось просто. На южной окраине Бейджинга собрались торговцы и их семьи в надежде поскорее убраться из города, охваченного революционными волнениями. Люди шептались, что сама императрица Цыси приложила руку к происходящему. Но особо пострадавшие просто молчали, дожидаясь своего экипажа, и молились, чтобы армия Синьхуа не застала их врасплох.

Настя сидела на огромном чемодане, обхватив себя рука-

ми. Она уже знала, что жить в этой стране больше не безопасно, но так сильно не хотела уезжать, что вот-вот была готова сорваться с места и бежать обратно к любимому. Её останавливало лишь одно – слова, сказанные стариком Лань, о том, что семья может пострадать.

Нестерпимое горе, которое испытывала девушка, выливалось солёными слезами и замочило всю нежно-розовую атласную ткань платья цзюнзе.

– Хинган (дорогая)! – внезапно раздался знакомый голос за спиной Анастасии.

Костров поднял усталый взгляд на дочь, понимая, кому все эти слёзы были предназначены. Он не стал её останавливать, а просто погладил по голове и подал руку, чтобы та слезла с огромного деревянного чемодана.

Настя не медлила. Она как пушинка слетела с деревянной коробки и в несколько шагов оказалась у любимого в объятиях.

Они держали друг друга и молчали. Здесь были не нужны слова. За них всё говорили сердца, бьющиеся в унисон. Так громко и так больно, что казалось, грудная клетка разорвется. Чжюй даже не пытался стирать слёзы. Он давал волю эмоциям и упивался горем.

– Ihre Kutsche ist bereit, Herr (ваша карета готова, сэр), – объявил тучный немец, только что закончивший запрягать тройку чёрных жеребцов.

– Настя, нам пора!

В ушах девушки эти слова зазвучали как приговор. Она с трудом оторвалась от парня и взглянула в его глаза, пытаясь их запомнить. Но раздавшийся неподалёку артиллерийский удар окончательно разрушил прощальную атмосферу. Толпа загудела, а девушка, прикрыв дрожащие ресницы, поднялась на цыпочках и поцеловала в губы того, кого больше в своей жизни ей встретить не суждено.

– Анастасия! Живо в карету, – Костров начал выходить из себя.

В тот самый момент, когда Настя готова была уже уйти, Чжи дернул её за руку и протянул начищенную до блеска металлическую пластинку круглой формы.

– Возьми... Пусть это зеркало навсегда сохранит память обо мне для тебя. Не печалься, моя дорогая девочка, тебя ждёт прекрасная жизнь. Раны затянутся, обязательно затянутся...

Через два дня пути Анастасия с отцом оказались на своём торговом судне. Они покидали Империю Цинь в то время, когда российская армия вела кровопролитные бои в самом сердце древней столицы.

Тонкая полоска берега окончательно растворилась в горизонте, а Настя достала из кармашка подарок Чжи, нежно коснулась губами прохладной металлической поверхности и прошептала:

– Я не забуду тебя никогда...

Глава 1

Россия, Подмоскowie, г. Щёлково, 2023 г.

Алиса возвращалась домой в приподнятом настроении – улыбка нет-нет да касалась пухлых ярких губ. Очень уж интересной получилась беседа с известным художником. От пожилого человека со сложной судьбой исходило тепло и умиротворение... Девушка даже немного завидовала – не жизненным испытаниям, конечно. Такому не позавидуешь. Просто он сумел пронести через них вдохновение. И его любовь к холсту и палитре, к многогранности цвета и совершенству форм так понятна – ведь Алиса сама когда-то мечтала стать настоящим живописцем... Что ж, не сбылось, зато теперь она – журналистка, и в её профессии тоже есть место ярким творческим порывам.

Интервью вышло отличное, осталось лишь обработать его, отослать редактору и... свобода! Как же хорошо, что летом она отгуляла только половину отпуска. Очень кстати сейчас отдохнуть от всего и от всех, уединиться с альбомом и красками – на это вдохновляет сегодняшняя встреча... и разобраться наконец со своими чувствами.

Хотя с Сергеем расстались тихо-мирно, на душе который день скребли кошки. Девушка давно уже не прочь была разорвать вялые, тяготящие обоих отношения. Но до чего же жаль, что не срослось, не случилось чуда на двоих, и разби-

лись мечты о долгом совместном счастье... А как чудесно всё начиналось! Парни и раньше ухаживали за хорошенькой зеленоглазой Алисой, но прошлые романы были такими мимолётными, что и вспомнить-то нечего. То ли слишком разборчива она, то ли, как отец говорит, не от мира сего... А вот к Серёже – прикипела, затуманила себе голову, навывдумывала всякого. В сухом остатке – сломалась о банальный махровый эгоизм. Да ладно, хватит уже о этом.

В этот миг мобильник зачирикал бодрую песенку.

«Лёгок на помине! – обречённо подумала журналистка, доставая телефон из кармана светлого кардигана. – Что тебе ещё от меня надо, моё несчастье?»

– Привет, Лиска!

Девушка возмущенно фыркнула. Что толку теперь повторять: она терпеть не может, когда он так её называет. Если за четыре года не дошло...

– Привет, Серёжа. Что тебе?

В ответ на сердитые нотки в её голосе парень звонко рассмеялся.

– Сразу к делу, да?

– Серёж, я не дома, – пояснила Алиса терпеливо, – а на улице не люблю болтать по телефону. Да и вообще...

– Понял, понял. Я у тебя бритву забыл. Ту самую, что ты мне подарила на позапрошлый день рождения.

Ну да, следовало ожидать. Раньше ему так нравилась эта бритва... а теперь вот забыл.

– Где она?

– Не помню. Поищешь, ладно? А потом пересечёмся...

– Растяпа! – заявила девушка в сердцах. Почему именно сейчас? Когда всё, чего хочется – просто забыться, отдохнуть душой, ни с кем не встречаться... – Ладно, поищу.

– Тогда всё, пока. Позвони, как найдешь.

– Угу.

Вызов завершился. Алиса взволнованно сдула со лба брошенную на него ветерком прядь вьющихся рыжих волос. А потом выдохнула. Для чего злиться по пустякам? Да найдет она ему эту бритву, и дело с концом.

Лучше вновь думать о хорошем. О будущей картине, например. В этот раз не будет на ней никаких людей. Хочется пейзаж, сочное небо, яркие листья на тротуаре...

Осень, а до чего же тепло! Прямо лето. Мягкое солнце, облака как из сказки... Красиво... этот город, симпатичный районный центр – не родной для Алисы, но она прикипела к нему за несколько лет. С удовольствием рассматривала альбомы с видами старого Щёлкова, читала краеведческие статьи. В её роду были промышленники, фабриканты, и ей нравилось, что город родился именно как рабочее поселение. Нет в нём историко-архитектурной франтоватости. Что здесь было раньше? Фабричные казармы... Суровый тёмный кирпич и столь же скорбные бревенчатые и дощатые стены. Но теперь!.. Вдоль дороги парадом стоят новые дома. Троицкому собору дружески улыбается высоченная гостиница на

перекрёстке. Даже не верится, что не так давно здесь было запустение, унылые трущобы.

Девушка подумала: «Город принял из Божьих рук молодильное яблоко». И улыбнулась. Алису нередко тянуло на лирику.

Проходя сейчас мимо Троицкого храма, она привычно залюбовалась гармоничным сочетанием величавости и изящества его устремленных ввысь линий. Сплав псевдоготики и русского модерна. Возвели собор за год до революции, да вскоре и закрыли. Сердце сжималось при взгляде на старые фотографии: развалины, бесформенные груды кирпичей. И всё же он поднялся в первоизданном виде... Вдумчиво-червлёный на лазурном фоне, с ажурной колокольней – живой организм, соединяющий человека с Небесами.

Алиса задумалась, приостановилась. Здесь она всегда чувствовала окрылённость. Ей нравилось это место. Не только Небо лучше видится отсюда... как-то особенно полно чувствуется тут Время. Девушка стояла сейчас на пологом берегу Клязьмы, за спиной – центр города, в отдалении широкая проезжая дорога взбирается на Гребенскую гору. С другой стороны ответвляется путь на Ивантеевку. Его линию чётко повторяет длинная девятиэтажка, а за ней виднеется труба котельной с белым трепещущем «хвостиком»...

Вот что надо рисовать. И вновь собор – на этот раз в багряно-жёлтых осенних тонах. Девушка пошла дальше, представляя в голове новую картину с храмом в центре. Алисе

приятно было, что спроектировавший это здание архитектор носил ту же фамилию, что и она – Гончаров. Не родственник, нет. Но история доказала – из самых разных Гончаровых нередко выходят творческие люди. Вот и она... станет рисовать и писать статьи и книги... вся жизнь впереди. И всякие Серёжки ей не...

Замечталась до того, что едва не шмякнулась, обо что-то споткнувшись. Проходящий мимо молодой мужчина помог удержать равновесие.

– Большое спасибо! – поблагодарила его Алиса.

– Не за что, – симпатичный парень мило улыбнулся. – Ногу не повредили? Может быть, вас проводить?

– Нет-нет-нет! Спасибо, не стоит.

И девушка едва ли не бегом умчалась от него в сторону улицы Парковой. Никаких больше мужчин! Не сейчас, по крайней мере...

Этим же вечером Алиса несколько раз перечитала готовое интервью. При свойственной ей лёгкой рассеянности, к работе молодая журналистка всегда подходила основательно.

Всё в порядке. Письмо редактору... прикрепить файл, фотографии, нажать «отправить»... Ура! Отпуск, привет!

Алиса даже подпрыгнула как девчонка, встав из-за стола. Её окружала приятная умиротворяющая атмосфера. Фотообои имитировали светлые бревенчатые стены, словно в старой русской избушке, и отлично сочетались с паркетным полом и зелёными, как берёзовые листья, обоями.

– Берёза родная, со стволом серебристым,

О тебе я в тропических чащах скучал.

Я скучал о сирени в цвету, и о нём, соловье голосистом,

Обо всём, что я в детстве с мечтой обвенчал.

Я был там далеко,

В многокрасочной пряности пышных ликующих стран...

Алиса прекратила декламировать вслух стихи Бальмонта и вздохнула – вот бы уехать сейчас... да хоть куда. В какие-нибудь «пышные страны».

Ладно, всё, с сегодняшнего дня – новая жизнь. Но что за мелочь ещё осталась? Ах, да! Бритва.

Логичнее всего поиски бритвы начать в ванной комнате. Но это же Серёжа! И там её... на самом деле нет. Неудивительно, если в микроволновку засунул...

Поначалу творческой натуре Алисы даже созвучной казалась хаотичность избранника. До тех пор, пока девушка не поняла, что хаос царит у этого парня не только в быту, но и в чувствах. Говорить «люблю» одной, а спать с несколькими – да запросто. А что? Любовь любовью, а развлечения развлечениями... Только когда Алиса об этом узнала, оказалось, что ей почти уже всё равно.

Интересно, а тем девицам хорошо было с Серёжкой в постели? Потому что ей – нет. Он не обижал её, даже старался создавать короткие прелюдии и исполнять желания, вот только в итоге всё сводилось к одному – к собственному его удовольствию. А Алиса... Сергей, прочитав в интернете, что

большинство женщин не испытывают оргазма, видимо, успокоился на этот счёт. Отправился искать тех, кто испытывает.

Алиса же... Алиса чувствовала, что внутри у неё – море почти нетронутой нежности. И затаённая страсть... Что она может быть другой, совсем другой... так почему же с ним не получилось? Но что теперь об этом...

Да где ж эта клятая бритва?! Девушка даже заглянула в шкафчик, куда складывала редко используемые вещи. Скинула с полки парочку старых альбомов... и в руки словно само собой легло зеркало. Удивительное. Из тщательно отполированной бронзы. Подарок бабушки Михаила на шестнадцатилетие....

Он говорил, что зеркало китайское, старинное. Литой узор из иероглифов на оборотной стороне зачаровывал...

– Дед, – удивилась тогда Алиса, – ты даришь мне такую красоту? Да ещё и фамильную ценность?

Она прекрасно знала, что Михаил Гончаров, литературный редактор одного из московских журналов и историк-любитель, собирает древние диковинки и тщательно оберегает их от всех, особенно от второй семьи её, Алисы, отца.

– Кому ж как ни тебе, рыжаночка, – ответил Михаил Алексеевич, потрепав внучку по мягким волосам. – Эту вещь, по воспоминаниям, как большую драгоценность хранила твоя прапрабабушка, Анастасия Кострова. Может быть, сердечная память, кто знает... И разве не женщинам оно должно передаваться по наследству, а? А у нас жен-

щин-то в роду почти и нет. Только ты радуешь глаз, солнышко.

Несмотря на то, что родители в разводе, дед Михаил, папин отец, очень её, Алису, любит. Хотя мама и злится, но встречаются они часто. Дед радуется, что внучка продолжила семейную традицию, прерванную было её отцом-бизнесменом – стала журналисткой. Да, с дедушкой всегда очень интересно. Не то что с родителями...

И почему же тогда она его подарок, да ещё такой дорогой, засунула в шкаф? Почему зеркало не красуется на столе или на полке? Да потому что оно не только завораживает...

Оно пугает.

Глава 2

Девять лет назад. День, когда Алисе исполнилось шестнадцать...

Михаил Алексеевич, вручив внучке подарок, отвлёкся на телефонный разговор. Алиса же подбежала с драгоценным зеркалом к окну. Тщательно рассматривала его со всех сторон, ощупывала тонкий рельеф... В отражении девушка увидела, как горят от восторга её глаза. Вдруг их ослепил на мгновение брызнувший с улицы солнечный луч. А когда зрение вернулось, взгляду явилось нечто невероятное...

Сквозь ивы, низко склонившиеся до зелёной водной глади, просачивался солнечный свет, который мешал разглядеть строение позади. В цветущей воде виднелись спины оранжевых рыб. Они били огромными хвостами о поверхность реки, расплёскивая капельки, и создавали расходящиеся круги. Умиротворяющая картина. Совершенное спокойствие и щебет птиц.

Внезапно закрывшая солнце тучка позволила разглядеть величественное здание красного цвета с рыжей черепичной крышей. На террасе с орнаментами из камня и колоннами из красного дерева стояла пожилая женщина в роскошном наряде, расшитом золотом. Необычайно огромная заколка напоминала рога оленя из камней и жемчуга. А сотни бабочек на её зеленом халате сверкнули так ярко благодаря вышед-

шему из-за тучек солнцу, что сложилось ощущение, будто они вот-вот взлетят...

– Рыжаночка, что-то ты побледнела... Нездоровится?

Михаил Алексеевич, вернувшись к внучке, внимательно разглядывал её зелёными глазами. У Алисы – такие же, только молодые, яркие, полупрозрачные... дед называет их фамильными.

Девушка с трудом приходила в себя.

– Нет, дедуль, всё хорошо...

Видение исчезло. Галлюцинация? Ни в коем случае. Это зеркало. Именно оно показало ей ту картину – водную гладь и красное здание, и женщину – кто же она такая?..

Одно было ясно: зеркало явило новой владелице частицу загадочной страны, откуда судьба закинула его в Россию. Таково желание этой вещи... Почему-то Алиса хорошо это знала. Она верила в чудеса.

Конечно, тут же забросала деда вопросами. И тот поведал любимой внучке о дивных зеркалах, секрет изготовления которых давно утерян.

– Их поверхность отлично отполирована, но при этом кажется обычной, – рассказывал Михаил Алексеевич. – Пока на неё не упадет яркий луч. Тут-то и начинаются чудеса! Отражаемый свет проецируется на поверхность и таинственным образом являет нанесённый на обратную сторону узор. Кажется, что бронза становится прозрачной. Китайцы говорят: «зеркала, пропускающие свет». А все остальные назы-

вают их «волшебными».

– Волшебными? – у девушки перехватило дыхание. – И наше зеркало – такое же?

– Думаю, да. Хотя сам я так и не увидел это чудо в действии, но, может, делал что-то неправильно. В любом случае это очень дорогая и редкая вещь, Алиса. Береги её. Но я знаю, что именно тебе могу доверить нашу фамильную реликвию.

– Дедушка, а... – она чуть было не спросила о видении, но что-то помешало. Что-то извне... Как будто зеркало было разумным и хотело, чтобы между ними сохранялся особый секрет... только их секрет.

Алиса поначалу сильно увлеклась новым приобретением. Не знала покоя, пока не зарисовала по памяти увиденное. Покопалась в сети и поняла... Пекин, Запретный город, императрица Цыси.

Почему? Где Пекин и где она, Алиса? И сколько лет прошло со дня смерти Цыси?

«Зеркало, что ты хочешь мне сказать? Что ты от всех скрываешь?»

Алиса крутила его под лучами солнца и так, и этак. Но прозрачной поверхность не становилась, и видений больше не возникало. Почему-то девушке казалось, что зеркало спит и пока что не хочет пробуждаться. Что с ней оно собралось взаимодействовать как-то по-особому... и надо ждать.

Радоваться этому или огорчаться?

Пока что Алиса, всё-таки немного разочарованная, поставила дедушкин подарок на книжную полку.

Четыре года назад.

Второй раз это случилось неожиданно. Бодрая и весёлая, Алиса собиралась на свидание с Серёжей. Она и сама осознавала, насколько сейчас хорошенькая. И почему-то очень захотелось полюбоваться собой в отражении старинного китайского зеркала...

Сняла таинственную вещицу с полки, с удовольствием поглядела в идеально отполированной бронзе на то, какая она вдохновенная, раздумывая, как сияют счастьем глаза. Поправила лёгкий локон... и поймала солнечный луч.

Зеркало едва не упало на пол из внезапно ослабевшей руки, когда девушка поняла, что видит уже не себя. Перед мысленным взором предстали улицы незнакомого города.

Дым клубами валит из горящего здания, похожего на католическую церковь. Из окон выскакивали седовласые мужчины в тёмных рясах. Было трудно разглядеть их глаза, но ужас на лицах читался явственно.

– *Xiāomiè xìngcún zhě!!!* (Выживших добивать), – голос в голове Алисы звучал глухо, но при этом довольно реалистично.

Облачённые в серую форменную одежду люди с замотанными грязной тканью лицами бежали по узкой улице, выложенной плиткой из обожжённой красной глины. Окна низких домиков со взлетающими к небу углами крыш были

сплошь затворены деревянными ставнями. Солдаты насвистывали странную мелодию, походящую на мантру, и кидали сосуды с зажигательной смесью на балкончики вторых этажей. Здания молниеносно вспыхивали, заставляя их обитателей выбегать наружу. Там-то их и ловили врасплох.

Солдаты добивали безоружных и горящих бамбуковыми палками. Кровь, много крови.

Одно из лиц удалось разглядеть. Человек европейской внешности. Мужчина в классическом строгом костюме чёрного цвета. Его обуглившиеся руки дрожали, а из обширной раны на голове текла коричневая вязкая жидкость. Разбитыми губами он приговаривал, как в бреду, одни и те же слова:

– Benedicì e salva... Benedicì e salva... Benedicì e salva (Спаси и сохрани).

Алиса медленно возвращалась в реальность. Сердце учащённо колотилось от страха, память невольно цеплялась за страшные детали невероятного, неожиданного видения, в голове отдалённым колоколом гулко звучало: «Benedicì e salva...»

Чувствуя, как подрагивают пальцы, девушка засунула зеркало поглубже в шкаф. Что происходит? Как вообще такое может быть? А главное – почему именно ей всё это показали?

Алиса мучительно раздумывала, идя на свидание в ещё одно своё любимое местечко. Здесь в низинке, под мостом, спокойно течёт, как во все времена, старушка Клязьма, но

сейчас над ней красуется новая набережная. Дорожки, скамейки... Парк солнечных часов. Золотистый купол белой часовни Серафима Саровского. Отрада для глаз художника. Но Алиса ни на что в этот раз не смотрела. Лишь увидев Серёжку, отвлеклась от тяжёлых и странных переживаний. А потом и вовсе обо всём забыла в объятьях горячо любимого парня...

Но чуть погода мысли о зеркальных видениях вернулись. Пропитанные тревогой и почему-то – нестерпимой печалью...

Что не так с ней? С зеркалом?.. Или же... все дело в той, кому оно принадлежало раньше? Анастасия Кострова...

Возвратившись домой, Алиса сразу же позвонила Михаилу Алексеевичу.

– Дедуль, привет! Слушай, ты что-то рассказывал о своей бабушке, помнишь? Она жила в Китае, да? А можно подробнее?

Дедушка, судя по тону, удивился.

– К сожалению, подробно не получится. Я знаю лишь, что Анастасия Никитична, будучи ещё совсем молоденькой, около трёх лет прожила с отцом в Пекине. Но об этой короткой поре её жизни воспоминаний не сохранилось. Анастасия привезла оттуда зеркало, что я отдал тебе... это всё.

– Неужели всё?

– Ну, судя по старым документам, отец Насти вел дела с семьёй Лань, владельцами шёлковой мануфактуры. Ты же

помнишь, что Никита Костров, наш предок, был крупным промышленником?

– Да, конечно. Почему же они уехали оттуда?

– Это случилось в тысяча девятисотом году, так что, уверен, причиной тому Ихэтуаньское восстание, докатившееся до Пекина. Тогда смерть угрожала всем иностранцам. Пришлось спешно бежать...

– А потом?

– Потом Анастасия потеряла отца, он умер от застарелой болезни. Долго жила затворницей в подмосковном имении. Её очень уважали. Вспоминали, как занималась благотворительностью, устраивала школу для детей фабричных рабочих.

– В то время замуж она так и не вышла?

– Нет, пока не началась революция. Анастасия потеряла всё. И, наверное, из-за страха перед завтрашним днём приняла наконец предложение Павла Гончарова, который давно её любил.

Про Павла Сергеевича Алиса уже не раз слышала от деда, но тот снова рассказал, как Гончаров, дворянин по происхождению, тем не менее, поддержал революцию. Вступил в ряды коммунистов. Будучи талантливым журналистом, сотрудничал с первыми советскими газетами и журналами.

– Брак с ним, пускай и вынужденный, судя по всему, не стал несчастным для Анастасии, – продолжил Михаил Алексеевич. – Хотя моя бабушка и не разделяла революционных

настроений мужа, но его любовь и забота её покорили. Их ребенок, мой будущий отец, был поздним и очень желанным. Но его рождение подорвало здоровье Анастасии Никитичны. Она умерла сорока с небольшим лет от роду... Солнышко, а для чего ты расспрашиваешь? Статью собралась написать?

– Да... что-то в этом роде... Дед, дорогой, спасибо тебе большое!

Алиса так тогда и не продвинулась в поисках ответов на вопросы. Закрутилась в отношениях с Серёжкой, он переехал жить к ней...

И вот теперь... Ищет бритву, а зеркало словно само ложится ей в руки. И она видит... она снова видит прошлое...

Глава 3

Четыре года волшебное зеркало пролежало взаперти, и вот час настал. Даже луча не понадобилось.

...Сдавливает виски. На сердце ложится тоска – не передать. Алиса словно переживает огромную потерю. Будто эта девушка, горько рыдающая в объятиях молодого китайца – она сама... Неужели?.. Нет. Рыжие волосы, хрупкая фигурка, но лицо другое... хотя сходство определено есть.

А мужчина...

Он хорош собой, притягателен. Высокий, стройный, худощавый. Выразительные раскосые глаза под густыми ровными бровями украшены длинными ресницами. Смоляные волосы уложены в стильную причёску, а высокий лоб закрывает рваная чёлка. Чётко очерченное лицо, прямой нос, ярко выраженные скулы, а на правой щеке – необычное родимое пятно в виде звезды.

Но сейчас это лицо кажется обострившимся от горя, потемневшим. Мужчина тоже плачет, не сдерживаясь. Ещё немного – и судьба навсегда разлучит этих двоих...

Алиса, очнувшись, обнаружила себя сидящей на паркетном полу и крепко прижимающей зеркало к груди. По щекам потоком катились слёзы. Что же это? Сомнений нет, она видела прощание Анастасии Костровой с любимым человеком. Прощание навсегда...

Через ткань времени девушке передалась такая боль, что все свои печали она сочла пустяками. Но кто он, этот молодой китаец? Дед говорил о некоей семье Лань... Она должна это выяснить. Непонятно зачем, но должна. Пусть даже от страха неведомого холодок закрадывается в сердце, порождая сомнения: «А если и узнаешь – что изменится?»

Но неужели же – забыть? Запереть зеркало так, чтобы больше не прикоснуться к нему даже случайно?

Её тетка из сказки сказала бы: «Все страньше и страньше...» Нужно ли такое мучительное чудо? Но если его отвергнуть – она так и останется глупой Алисой, навсегда отвернувшейся от своего белого кролика...

Серёжкина бритва нашлась в спальне, за шторой на подоконнике.

Алиса встретила с бывшим на платформе Воронок, вернула бритву, но разговор поддержать не то чтобы не захотела – не смогла. Была настолько погружённой в себя и так часто отвечала невпопад, что Сергей подумал: а не нашла она ему уже замену? Он понятия не имел, насколько эта догадка и похожа, и не похожа на правду.

Алиса не переставала думать о китайце из виденья. Его экзотически красивое лицо будто наяву вставало перед мысленным взглядом. Блестящие глаза с непривычным разрезом... она тонула в их чёрной глубине.

Девушка тосковала. Вот только – о несостоявшемся счастье или же о потерянном? Её это тоска или Насти Костро-

вой? А может, они уже сливаются воедино?

Что же делать, что делать? Спокойно... никаких психологов. Никаких разговоров по душам. Даже с дедом. Она не сумасшедшая. Просто так причудливо и странно отозвалась в ней всегдашняя вера в необъяснимое. В настоящее чудо. И китайское зеркало – действительно волшебное. Да... но делать-то что?

В какой-то миг девушке захотелось отвлечься, хоть через силу.

– Я буду рисовать тебя, осень! – заявила Алиса вслух. – Знаешь, мы с тобой похожи. Обе рыжие, обе печальные, а ещё в тебе пылают костры, а у меня прапрабабка – Кострова.

Удобно устроившись в кресле с альбомом, художница-любительница собралась сделать карандашный набросок окрестностей Троицкого собора, окутанных очарованием осени. Но не тут-то было. Никто и не думал отпускать её. Мысли вновь незаметно перетекли к незнакомцу из прошлого... и Алиса обнаружила, что рука с карандашом сама собой выводит на бумаге привлекательное узкоглазое лицо с чёткими чертами...

Алиса рисовала и рисовала... Не ела, не пила, пока портрет не был завершён. Потом, придя в себя и жадно глотая ледяную воду, думала о том, что замечательная способность по памяти зарисовывать увиденное, до мелочей, сослужила ей необычную службу.

Как и в прошлый раз, девушка загрузила рисунок в ин-

тернет. Поиск схожих изображений порадовал множеством китайских лиц, но первым был он... Алиса сразу его узнала, хотя мужчина на портрете выглядел значительно старше. Но это он... художник даже отобразил родимое пятно в форме звезды на щеке.

Лань Чжюй. Да, конечно... Дедушка назвал именно эту фамилию. Портрет 1924 года, нынче находится в семейном особняке семьи Лань.

Сейчас посмотрим...

Поиск опять выдал море разнообразной информации, но Алису зацепило ещё одно лицо... поначалу ей показалось, что это опять же Чжюй. Но нет. Это была фотография ныне живущего человека.

Лань Тау. Самый молодой лауреат премии Герберта Бакстера Адамса, присуждённой ему Американской исторической ассоциацией в 2020-м году за работу об императрице Цыси. Сейчас трудится над книгой об Ихэтуаньском восстании.

Ихэтуаньское восстание...

– Вот ты-то мне и нужен, Лань Тау, – тихо произнесла Алиса, обращаясь к человеку на экране монитора. – Я должна тебя увидеть. Должна! И ты расскажешь мне всё, что знаешь о той давней истории, правда? И посоветуешь, что теперь делать... А если не ты, то кто?

И она принялась вбивать в поисковое окно названия исторических работ потомка Лань Чжюя...

Россия, г. Москва, на следующий день.

Юрий Михайлович Гончаров с интересом рассматривал дочь сквозь стёкла элегантных очков. Секретарша – как водится, молодая и хорошенькая – принесла Алисе крошечную чашечку очень крепкого кофе. Девушка с трудом сделала глоток. Она нервничала. Сколько себя помнила – никогда у отца ничего не просила. И в жизнь его не лезла. Да что там... она даже не понимает толком, чем папочка занимается! Что-то связанное с недвижимостью...

Не то чтобы у них сложились плохие отношения. Но родителей Алисы – очаровательную актрису провинциального театра и начинающего бизнесмена – соединил ранний брак, почти случайный. Ярко вспыхнувшая страсть быстро потухла, догорела, и двое людей поняли, что они чужие друг другу.

Мать Алисы всё-таки была обижена на бывшего мужа. Она-то делала хоть какие-то попытки сохранить брак ради дочери, но Юрий ничего и слушать не захотел.

С Алисой он потом встречался, проводил с ней время, дарил дорогие подарки. Но его сердце целиком было с новой семьёй. А потом и мама вышла замуж. И как только Алисе досталась по наследству от дальней родственницы квартира в подмосковном Щёлково, она, еще будучи студенткой, переехала туда. Так ведь лучше – ни от кого не зависеть.

Отец её не понимал – могла бы жить в Москве, разве для него проблема подарить отдельную квартиру? Но дочка странная. Всё делает не как обычные люди.

И вот теперь его старшая девочка, рассеянно рассматривая дорогостоящее, хотя и строгое убранство рабочего кабинета, вдруг заявила:

– Папа, мне нужно в Китай!

Юрий Михайлович приподнял бровь.

– А почему не на Луну?

– Папа! – девушка, как всегда, легко покраснела. – Что в этом такого? Я хочу в Пекин.

– Да ничего, конечно. Просто ты, кажется, дальше Подмосковья своим ходом никуда не выезжала.

– Я в Питере была...

Юрий пригладил рыжеватую, уже чуть седеющую шевелюру, прищурил глаза. По его тонким губам скользнула лёгкая улыбка.

– Ну, Китай-то чуть подальше... Ладно, что тебе там понадобилось?

– Я хочу встретиться с историком Лань Тау. Взять у него интервью для газеты. Я нашла переводы нескольких его работ – это так интересно! К тому же наших с ним предков связывали деловые отношения. Здорово, правда?

Гончаров снял очки и покусал дужку. Алисе казалось, что его близорукие зелёные глаза – фамильные! – чётко и ясно видят овладевшее ей смущение, а главное – читают потаённое в душе...

– И это всё?

– Д-да... Папа, ты поможешь мне встретиться с этим че-

ловеком? Ты же рассказывал, что тебя какие-то связи с Китаем... деловые партнеры там...

– Хорошо, – неожиданно легко согласился отец. – Когда тебе нужно?

– Чем раньше, тем лучше.

У Алисы отлегло от сердца. И в то же время в глубине души она почувствовала укол досады – будь она отцу ближе и дороже, он бы не согласился помочь, не выпытав всё о её мотивах и намерениях. Ну и ладно. Да и в конце-то концов... Подумаешь... Китай и Китай. Не Страна же Чудес.

А вдруг?!..

Глава 4

Китай, г. Пекин, склон горы Дунлин, 2023 г.

– Дядя, тётя! Добрый день! Я пришла! – кричала Сюин с порога.

Миниатюрная девушка, с короткой стрижкой и нежно-розовой помадой на губах, выглядела как тинэйджер, но явно была не школьницей.

– Детка, ты пришла, как я рада... – Си Дандан вышла из зимнего сада в фартуке и с выпачканными в земле руками. – Наконец-то высадила тот цветок, который вы с Тау привезли из Австралии.

– Тётя, это же было месяц назад? – изумилась Сюин.

– В исследовательском центре много работы, я даже боялась, что чудное растение может не дожить до этого светлого дня, – женщина хихикала.

В этой семье девушка чувствовала себя как родная, ведь она невеста старшего сына династии Лань. Та самая главная женщина, для которой будут открыты все двери в столице огромного государства.

Сама Цинь Сюин происходила из знатного рода. Её отец, торговец, имел огромные связи, и его многие уважали, но он даже рядом не стоял с небожителями Лань, обладателями целой индустрии моды с одной стороны, а с другой – выдающимися историками.

– Проходи, проходи скорее. Я угощу тебя великолепным чаем из моих родных мест, – продолжала обхаживать будущую невестку госпожа Си.

В огромном классическом китайском особняке Лань было множество комнат. И вот в одной из них две женщины, одна взрослая, вторая помладше, пили чай, обсуждая что-то очень громко. Их чёрные глаза светились от счастья вплоть до того момента, пока двери из рисовой бумаги не разъехались.

Лань Тау вошёл практически беззвучно, снял на пороге бьянь сё (классическая мужская обувь, похожа на наши тапочки) и в белых носках лёгкой поступью направился в сторону матери и невесты.

– Почему стало так тихо? – поинтересовался мужчина, на лице которого не читалось никаких эмоций.

Сюин в одну секунду залилась краской и опустила длинные ресницы. Она теребила белоснежные пальцы с аккуратными короткими ногтями, покрытыми чёрным лаком.

– Сын, присаживайся. Вэй сейчас заварит твой любимый Гуймэн (сорт белого чая).

Тут же в комнате появилась пожилая седая женщина в красном ханьфу (традиционное платье-халат) с серебряным подносом в руках.

– Тётушка Вэй, я не хочу чай, спасибо вам огромное, – в словах мужчины послышалась нежность, что немного кольнуло Сюин.

С ней он всегда держался на расстоянии и не позволял ни улыбаться, ни шутить, и уж тем более не заботился. Поначалу она очень переживала, но со временем смирилась.

Си Дандан одним взмахом руки остановила весь процесс, и служанка тут же испарилась.

Тау сел напротив женщин в позе лотоса у стола из красного дерева и взял пиалу с вареньем. С его любимым вареньем из кумквата по рецепту бабушки.

– Сюин, зачем пожаловала? – мужчина аккуратно положил сладкий фрукт себе в рот и прикрыл глаза в наслаждении.

– Я... – девушка опять вся пошла розовыми пятнами и, ухватившись за край юбки, крепко его сжала.

Двери в очередной раз разъехались, и на пороге появился Лань Ан. Его улыбка и тёплая аура совсем не соответствовали статусу. Он был человеком, всегда излучавшим изнутри яркий свет, и располагал к общению.

При виде Ана Сюин расслабилась и шумно выдохнула, чем привлекла всеобщее внимание.

Первой расхохоталась Си Дандан. Она привстала и обняла девушку за плечи, прижав к себе.

– Сын, ты можешь быть менее чёрствым? Смотри, как напугал нашу Сюин.

– Действительно, братец, разве можно задавать своей невесте такие провокационные вопросы? – Ан без приглашения подошёл к столу и присел.

– Невестка, рад тебя видеть!

Сюин начала копошиться в объятиях Дандан, пытаясь из них выбраться, чтобы не выглядеть как маленький нашкодивший ребенок.

– Лань Тау, вчера твоя мама сказала, что тебе нездоровится, сегодня я позвонила много раз, но ты так и не перезвонил, что мне было думать? Я начала переживать... – девушка в отчаянии говорила громко, и её голос немного подрагивал.

– А ты что, считаешь, невеста не может посетить твой дом без предупреждения? – усмехнулся Ан.

На лице Тау появилась редкая улыбка. Оттого, что ситуация выглядела максимально комично. Брат, которому не терпится жениться на девице для утех, мать, которая до дрожи в руках хочет внуков, отец, который решает свои какие-то финансовые вопросы. В этом браке заинтересованы все, кроме него самого. И он уже даже дал согласие на помолвку, но что ему ещё сделать? Девчонке всего двадцать, она не пригодна ни для семьи, ни для детей. Ночами зависает в барах, ходит на концерты новомодных групп и пропагандирует стиль готов.

– Я считаю, что если не берут трубку, то на это есть веские основания. В моей жизни есть чёткий график. График работы, график лекций, график встреч. Ещё, я очень не люблю внезапных гостей и лишнюю шумиху. В общем, всё, что происходит сейчас, я не люблю.

– Затворник. Аха-ха-ха! Сюин, точно решила, что хочешь

выйти за такого молодого старика? Я уже представляю, как ты покроешься пылью вместе с его библиотекой.

– Но в моей библиотеке нет пыли, – возмутился старший брат.

– Смотри, у него даже чувство юмора отсутствует...

– Так! Хватит паясничать. Какой пример вы подаёте младшему поколению. Хотите, чтобы и Сюин с возрастом распустилась до вашего! – Си Дандан утомилась от перепалки между мальчиками и невзначай решила разрядить обстановку. – Тау, а ты думал, когда лучше организовать свадьбу? Уже нашёл астролога для подсчёта?

В этот момент по спине мужчины пробежал мороз. Роли в этом спектакле резко изменились. Сюин оживилась, и её глаза засияли. Тау же окончательно приуныл, хоть виду и не подал.

– Мама, ты считаешь, что сейчас самое время обсуждать подобные вопросы?

– Знаешь, твоя новая книга отнимает слишком много сил и времени. Свадьба не только сможет разнообразить жизнь, но и придаст новых сил, – женщина произносила эти слова с полной уверенностью.

– Да брат, невеста ждать вечно не будет. Устанет и найдёт кого помоложе, – Ан опять смеялся.

– Сюин... – Тау развернулся на сорок пять градусов, оказавшись лицом к лицу с воодушевленной девушкой. – Ты знаешь историю Китая?

Та, ни минуты не раздумывая, чётко произнесла:

– Да, – она кивала и улыбалась, ведь это то немногое, чем она могла угодить будущему мужу.

– Тогда ты прекрасно должна знать причины ранних браков, не так ли?

– Ну, в общем-то, да, я их знаю... – уже менее радостно ответила девушка.

– Смелее, я хочу послушать твою версию, – уже в претенциозной форме с вызовом в голосе заявил Тау.

Сюин вся размякла. Её охватил стыд, и она готова была уже расплакаться. В этот момент никто даже не подумал вступить за обреченную на провал, видя нарастающий гнев всегда спокойного жениха.

– Ну же, Сюин! Я жду!

– Ранние браки заключались у земледельцев. У тех, кому нужны были рабочие руки на рисовых полях... Они заключались для того, чтобы побыстрее нарожать детей, и они помогали взрослым работать...

– Сюин, но ты же не деревенская, верно? Зачем так рано выходить замуж? Тебе ещё год учиться в университете. После этого нужно будет выйти на работу, чтобы подтвердить диплом и получить стаж. Сюин, разве в этом плане есть место для свадьбы и детей? Разве тебе самой не хочется пожить для себя? Насладиться взрослой жизнью?

Из глаз девушки уже текли слёзы, а Тау не собирался здесь кого-то успокаивать. Нахмутив густые брови, он встал и про-

сто вышел, шумно распахнув двери.

Глава 5

Россия, г. Москва, 2023 г.

После ухода дочери Юрий Гончаров велел секретарше Лиличке никого к нему в кабинет не впускать. С его красивого породистого лица не сходило напряжённое выражение. Он долго что-то просматривал в интернете, с кем-то перезванивался... Наконец со вздохом набрал номер отца.

– Папа, здравствуй! От важных дел не отвлекаю? У меня к тебе один лишь вопрос: не знаешь ли ты, что Алиса забыла в Китае?

Короткое молчание. А потом Михаил Алексеевич произнес:

– Что-то я не понял тебя, Юра.

– Ну, она в Пекин собралась. Повидаться с историком Лань Тау. Пришла просить у меня содействия, вот только мне кажется, что-то девочка темнит. Нервничала сильно. Да и с каких пор это Алиска увлекается китайской историей? Может, ты мне объяснишь, папа, вы же с ней куда больше общаетесь.

– Так-то оно так, – задумчиво проговорил старший Гончаров, – да только мне она вообще ничего не рассказывала. Хотя, помнится, расспрашивала о моей бабушке, о том времени, когда та жила как раз в Пекине. Лань Тау, говоришь... да, похоже, Алиса решила глубже копнуть нашу семейную

историю. Может, книгу собралась писать, она же давно мечтала.

Юрий, как всегда, пожевал дужку очков. Он-то при всем желании не смог бы рассказать, о чём мечтает его старший ребёнок.

– Короче, летит она в Пекин. Отговаривать не вижу смысла. Может, и правда, напишет что-нибудь... Хотя... всё равно ерунда какая-то. Почему о бабке? Почему не о твоём отце, фронтовом журналисте? Алиска, конечно, немного не от мира сего, и девочка она спонтанная, но... Кстати, эта династия Лань... хм... в общем, большие это люди. Очень большие.

– Юра, я думаю, дело в китайском зеркале. – Судя по тону, Михаил Алексеевич встревожился. Уж в чём в чём, а в интуиции его единственному сыну не откажешь. И если того что-то беспокоит... – Рыжаночка очень обрадовалась, когда я его ей подарил. А потом...

– Что?! – бестактно перебил младший Гончаров отца. – Ты отдал старинное зеркало Алисе?

– Давно уже, лет девять назад.

– Папа! Подарить такую вещь девочке...

– Юрочка, – в свою очередь не дослушал Михаил Алексеевич. – Ни твоя жена, ни твои дети от второго брака это зеркало никогда бы не получили. Уж если кому я и мог доверить «такую вещь» – так это Алисе. Зная, как она отнесётся к предмету старины. А ещё... можешь считать меня выжив-

шим из ума дуралеем, но... меня тогда не покидало какое-то странное ощущение. Чудилось, будто зеркало само избрало мою девочку своей хозяйкой. Хотя ей я об этом не сказал.

Юрий не выдержал и фыркнул.

– Ну понятно! Чего ж удивляться, что Алиска такая фантазёрка – есть в кого. Почему же это я у тебя таким унылым прагматиком уродился, а, пап? Ладно, отдал и отдал, чего уж там... а как ты думаешь, возьмёт она зеркало с собой в Пекин?

– Не знаю... – растерянно проговорил дед Алисы.

Тоненько запищал внутренний телефон.

– Ладно, пап, ещё созвонимся, – Юрий завершил вызов.

После затянувшегося разговора с деловым партнером младший Гончаров велел Лиличке принести ещё одну чашку горячего и очень крепкого кофе.

Медленно делая один крошечный глоток за другим, Юрий о чём-то напряженно раздумывал...

Что Алиса любила в своём отце, так это пунктуальность. Если что пообещал, значит, сделает и затягивать не станет. Просила побыстрее – получите и распишитесь. Всё подготовил, заручился для неё рекомендациями... Деньгами снабдил, конечно.

А она даже ещё не свыклась с мыслью, что летит в Китай...

Уже стояла в очереди,двигающейся к стойке регистрации,

а в голове крутилась мысль: что я делаю? Сколько народу в аэропорту, все куда-то летят, каждый по своим делам, но есть ли хоть у кого-то более странная цель?

Поведать о чуде совсем незнакомому человеку. Иностранцу, с которым придётся разговаривать на языке, чужом для них обоих. Попросить о совете в таком деле, из-за которого запросто можно сделаться клиентом психиатра... И какой он вообще, этот Лань Тау? Не выставит ли сразу за порог ненормальную русскую?

Но не может же быть, чтобы его не заинтересовало зеркало... С зеркалом, впрочем, надо поосторожней. Никому, по возможности, не показывать. И самой пока что лучше не смотреться в непредсказуемую колдовскую гладь...

Алиса поёжилась, хотя было тепло. Даже жарковато в лёгкой куртке и брюках из плотной ткани. Она ощущала и страх, и волнение, но где-то в глубине души – восторг от приключения, которое сама затеяла. При всей своей немалой эрудированности, о Китае девушка ничего не знала, и он действительно представлялся ей Страной Чудес, где всё не так, как у неё дома. Вот только туда ещё надо долететь... А она никогда не летала на самолётах. Как это будет? Ей не станет плохо в салоне? В машинах-то иногда укачивает.

И это так опасно... ведь если что...

Алиса одёрнула себя: зачем об этом думать? Вон сколько самолётов каждый день летает и не падает. А у неё такая цель красивая! Лишь бы только не оказалась, что её сказка

никому не нужна...

– Внимание! Объявляется посадка на рейс Москва-Пекин.

Вот и всё. Назад пути нет.

«Вперед, Алиса, – приободрила себя девушка. – Ведь если это происходит именно с тобой – значит, для чего-то это нужно. И, возможно, скоро ты что-нибудь да поймёшь...»

Глава 6

Китай, г. Пекин, склон горы Дунлин. Несколько дней назад.

Телефон на столе Тау вибрировал, но он старался не обращать на это внимания, увлечённый набором текста новой книги. История революции 1898-1901 годов казалась невероятной и затягивающей. Внутренний надлом и неудержимая энергия китайского братства были ему очень близкими по духу. Настоящего мужчину-воина, борца за идеалы и страну, не остановить.

Идея этой исторической книги пришла ему в голову, когда он изучал документы, связанные с императрицей Цыси. Не было в Китае такой двуликой правительницы, ни до, ни после. Женщина, усилиями которой Китай стал частью мирового сообщества. Женщина, с лёгкой руки которой свершилась революция. Именно эти события положили начало современной идеи единого Китая. Её любили и ненавидели, уважали и возносили, но предали в одночасье. Ихэтуани, обещавшие Цыси победу, оказались фанатиками, истребляющими всё на своем пути. Нелюди, изверги, звери.

Нет однозначного мнения, но Лань Тау был тем, кто должен его сформировать для понимания в современном обществе.

Телефон не смолкал. Мужчина оглядел пространство сво-

его кабинета в ореховых тонах. Его успокаивали полутона и побуждали сосредоточиться, но навязчивый звонок всё же вынудил вернуться в реальность. Пододвинув к себе аппарат, Тау увидел имя, и улыбка коснулась его губ.

– Друг мой, какими судьбами? – голос китайца зазвучал слащаво.

– Брат Тау, я рад тебя слышать! Как твои дела?

– Зихао, ты не звонил мне с тех времен, как уехал в Россию...

– Хотя система работы в этой стране гораздо лояльнее, чем на родине, но знаешь, и здесь не без проблем. Признаюсь, Тау, я не успел вернуться домой, пока границы не закрыли, а теперь возможность совсем испарилась. Меня взяли на работу в посольство.

– Друг, я тебя поздравляю, это огромный скачок в карьерном росте. Желаю тебе процветания...

Но нетерпеливый Зихао прервал собеседника:

– Тау, я не просто так тебе звоню. Прости, что с порога, но дело очень щепетильное.

– Раз так, то говори, – Тау продолжал держать марку и вовсе не обращал внимания на происки старого знакомого.

Действительно, они давно не общались, но их семьи поддерживали тёплые взаимоотношения, почему бы старым друзьям не помочь. Тем более, голос Зихао звучал довольно встревоженно.

– Девчонка... Одна девчонка хочет взять у тебя интервью.

Брат, не отказывайся сразу, дай я тебе всё по порядку объясню.

Тау снял очки и потер переносицу, на которой образовались красные борозды от носоупоров. За столько лет ни у одного журналиста не хватило наглости пытаться подступиться к нему через близких знакомых. А тут звонок из России, ещё и Министерство иностранных дел Китая. Что за связи должны быть у так называемой девчонки и зачем?

– Продолжай, – Тау не терял своего ангельского спокойствия.

– Спасибо, брат. Кхе-кхе, – закашлялся Зихао в трубке. – Статья не для научного издания, и даже не для исторического журнала. Она для небольшой региональной газеты, но за журналистку просили с самого верха. Я всё уже проверил для тебя. Кристальная чистота. В политповестке не замечена, взгляды правые. Из страны никогда не выезжала, в университете училась хорошо. Зарплата маленькая, поездку оплачивает отец.

Список, конечно, впечатляющий, Тау улыбался услышанному, но совершенно ничего не понимал.

– Зихао! Я всё услышал, но сути не пойму. А тебе это зачем?

– Руководство поручило...

– А откуда они... – мужчина понял всю глупость вопроса и замолчал. Связи в Китае и с Китаем всегда играли особую роль. Даже если ты не сильно умный человек, но у твоей

семьи обширная сеть знакомств, ты будешь всегда в почёте. И естественно, когда Хо Зихао брали на работу, проверили всё. – Так что за девчонка, и что мне с ней делать? – Тау решил не создавать проблем. Подумаешь, интервью.

– Она будет в Пекине уже через несколько дней. Хочет расспросить о твоих книгах и семье. Ты не против?

– Если меня просит об этом сам господин Хо, то я не имею права отказывать, – мужчина рассмеялся звонко и добродушно. – Только подожди, сейчас я уточню своё расписание, не отключайся.

Лань Тау достал из верхнего ящика стола ноутбук-трансформер и, поставив его перед собой, запустил систему. Экран быстро загорелся. Нажав кнопку вызова, мужчина вновь надел очки и откинулся в кресле, приняв суровый вид. На экране появилось милое лицо помощницы историка. Девушка чуть старше двадцати выглядела строго и собранно. Её раскосые глаза были аккуратно подведены чёрным карандашом, что делало взгляд более выразительным и притягательным. Для всех, кроме её начальника, который относился к ней как к инструменту для организации работы.

– Добрый день, господин Лань, как поживаете? Я могу быть вам чем-то полезна?

– Му Са, проверь моё расписание на неделю. Мне нужно организовать встречу или в четверг, или в пятницу.

Девушка усердно застучала клавишами и, приподняв голову, взглянула в камеру:

– В эти два дня у вас состоятся дневные и вечерние видеоконференции для телевидения и Объединенного исторического клуба.

– Вечер какого из дней свободен?

– Пятница, но утром в субботу у вас вылет. Помните, да, вы сами просили рейс на четыре утра.

– Да... действительно, сам просил. Допустим. А что-то из перечисленного можно отменить? – с загадкой в голосе спросил Тау.

– Господин, при всём моем уважении, все мероприятия взаимосвязаны, и если...

Но Му Са была резко прервана:

– Не продолжай. На связи.

Отключив видео и вернувшись к телефону, Тау с ухмылкой проговорил:

– Зихао, ты ещё здесь?

– Лань Тау, ты, как всегда, строг со своими подопечными. Но я остаюсь до сих пор на связи безропотно.

– Значит, так. Я могу встретиться с ней только в пятницу вечером, скажем, в районе семи. И... – мужчина замолчал, словно обдумывая правильность решения. – И только у меня дома. Если тебя и её устроит этот вариант, то жду детали.

– Тау, а какие детали ты хочешь? Мой друг, я очень тебе благодарен!

– Список вопросов, фотографию и личное дело журналистки? Я должен понимать, что меня ждёт.

– Личное дело пришлю, и фото тоже. Но с вопросами... Ну что там может спросить девчонка из провинции. Что тебя вдохновило на написание книг? Или как ты решил стать историком... На эти вопросы ты и сам, без особой подготовки, знаешь ответы.

– Ох, смотри мне, хитрый ты лис, если что-то пойдет не так...

– Тау, уже пошло, ты пригласил женщину из другой страны к себе в дом. Что может пойти ещё хуже?

Мужчины в один голос рассмеялись, и обменявшись ещё парой любезностей, попрощались. Тау не спеша встал из-за рабочего стола и отправился к бару, спрятанному за пышной хамедорией. Он отодвинул горшок и распахнул деревянные створки шкафа. Настроение писать окончательно улетучилось, зато захотелось выпить немного вина, чтобы расслабиться. Мысли о незнакомке из далекой страны, пожелавшей лично с ним познакомиться, не выходили из головы. И не успел он налить напиток в бокал, как звук уведомления почтового ящика встрепенул всё его нутро.

Лань Тау хотелось кинуться к ноутбуку и посмотреть входящее письмо, но он сдержал порыв. Закончив наливать багровую жидкость в пузатый бокал на ножке, он чинно, словно предвкушая что-то особенное, подошел к столу. Но там его ждало то, что он даже не мог себе вообразить...

Глава 7

Китай, г. Пекин, 2023 г.

– Это хорошо, что вы впервые летите в Китай осенью, – сказала Алисе в самолёте соседка, милая интеллигентная старушка. – Сейчас там лучше всего – тепло, но не душно. У вас останутся наилучшие впечатления.

Алиса и не сомневалась, что впечатлений будет предостаточно, вот только какого рода? «Мне нужно всего лишь встретиться с человеком, – уговаривала она себя. – Ничего он мне плохого не сделает. Я вот и лететь боялась, а полёт перенесла вполне нормально. Ну, Китай и Китай... такие же люди, как мы. Только... наверное, всё-таки другие».

Но оказавшись наконец в Пекине, девушка забыла обо всём. Город погрузил её в хаос и шум, в плохо контролируемое движение, в море машин, в людской океан, обрамлённый уходящими в небо высотками. Взгляд Алисы выхватывал иероглифы на вывесках и дорожных знаках. Характерные лица, подобные которым она лишь изредка видела в кино... Здесь уже всё было не так...

Девушка уже привыкла к жизни в подмосковном городе, окружённом деревнями и лесами. Он хотя и обрастал высотками, но не терял приятной камерности. Красивая уютная площадь, спокойные улицы, тихая речка... Кусты в виде животных, небольшие фонтаны, приятная зеленеющая набе-

режная с часовенкой и солнечными часами... Даже Москва уже начинала тяготить Алису. А сейчас было полное ощущение, что весь огромный мир, от которого девушка начала было прятаться, открылся сразу и обрушился на неё...

Но это было восхитительно.

Ещё сильнее Алиса удивилась, поняв, что жить ей предстоит в монументальном высоченном здании. В элитный отель вступила как в сон наяву. Она, конечно, понимала, что папа не забронирует для нее скромненькую гостиницу, но блестящий «Four Seasons» («Четыре сезона») поразил воображение. Роскошь и изысканность, диковинные растения, изящные статуэтки... Волнующий привкус Азии во всем. И в то же время – это европейский отель. Целый город под крышей. Здесь есть всё для удобства и развлечений – решительно всё. И в невиданном Алисой объёме.

– Спасибо, папа... – не удержавшись, прошептала девушка себе под нос. Ей даже захотелось сейчас, чтобы не разрушать впечатления сказки, надеть ненадолго розовые очки. Уверить себя, что отец позаботился о том, чтобы ей было хорошо в чужой стране, ради неё самой. Потому что любит её. Уж как может, но любит. А не потому что она Алиса Юрьевна Гончарова. Не ради престижа... хорошо – не только ради престижа. Можно же хоть чуть-чуть поверить в самое лучшее?

Шикарный номер оказался оформленным в тёплых тонах, золотисто-коричневых, так любимых Алисой. Красиво

и уютно. Она, замерев, смотрела на открывающуюся из окна панораму Пекина.

И вдруг в какой-то миг тепло исчезло... Сердце болезненно сжалось, словно его коснулась незримая рука. Жёсткая, ледяная... Девушке почудилось, что город за оконным стеклом предрекает ей нечто... что он, впустив в себя, обратно уже не вернет её прежней – что-то да случится.

Алиса поёжилась, передёрнула плечами. Сейчас она уже ничего не могла списать на фантазию. Не сама сюда прилетела. Её в Пекин отправили Настя Кострова и Лань Чжиюй... это их город. Не такой, каким он представал перед ней сейчас. Они не видели светлых небоскрёбов, застывших между небом и землёй будто в равнодушном созерцании. Но именно здесь разыгралась короткая история двух молодых людей, завершившаяся драмой...

– Можно мне вздохнуть хоть немножко? – тихо произнесла Алиса, ни к кому не обращаясь. Сегодня четверг. Завтра вечером она встретится с историком Лань Тау. И если всё сложится так, как очень бы ей хотелось, она сделает первый шаг к тому, чтобы глубже заглянуть в прошлое и развеять непонятную тоску и тревогу. А сегодня можно и развлечься!

Так, что там предлагает этот шикарный отель? Рестораны, бары, кафе... А может, чайный сад? Или бассейн? Спа? Салон красоты?

Для начала просто душ... и поваляться на идеально застеленной кровати. Да, кровать здесь что надо! А потом можно

и побродить по отелю. Для неё, Алисы, он тоже своего рода достопримечательность...

Вечером отправляясь на ужин в ресторан, Алиса переживала, что придется есть палочками. А значит – она вообще ничего не съест на людях. Нечего позорится... Но её представление оказалось довольно наивным, никто не собирался лишать иностранцев вилок в европейском отеле.

Обходительная официантка-китаянка сильно удивила госпожу Гончарову, принеся ей в подарок от шеф-повара знаменитые баоцзы – пирожки на пару, больше похожие на манты.

«Отлично! – обрадовалась девушка, любезно что-то ответив на это по-английски. – Первое китайское блюдо, которое я попробую! Уже пробую...»

Она даже зажмурилась от удовольствия, потому что плотное тесто оказалось нежным, а начинка – из её любимых креветок. Удивительно вкусно!..

Расслабляясь перед сном в ванной, Алиса подумала, что начинается всё очень неплохо...

Утром принесли завтрак в номер. Сказка продолжалась, создавая чудесное настроение. Тем более, что до вечера Алиса была свободна.

Двенадцать километров от отеля до великого памятника старины промелькнули мгновенно. Русская журналистка вступила в Запретный город. Великолепный и красивейший дворцовый ансамбль, самый большой в мире. Алиса уже про-

читала, что его история восходит к XIII столетию. Что, будучи много веков сердцем Китайской империи, архитектурным выражением божественности императорской власти, он и поныне – краса и гордость страны.

Теперь она своими глазами увидела часть десятиметровой стены, обнимающей это чудо... Пурпурная. Цвет Полярной звезды, центра вселенной, как считали древние. Девушка прошла через ворота Умэнь, остановилась, очарованная, засмотрелась на главный павильон Тайхэдянь... Высшая гармония...

Внутренний художник Алисы, склонный к ярким тёплым краскам, к контрастным цветам, к лёгкой вычурности и золотистости, пришёл в полный восторг. Здесь всего этого было с избытком. Деревянные, на высоких каменных террасах здания оказались более изысканными, чем представляла Алиса, сложным орнаментом художница любовалась, затаив дыхание. Двойные и тройные изогнутые крыши – символ азиатской архитектуры – просто требовали быть нарисованными, руке сил нет как захотелось, сжав карандаш, повторить плавность линий...

А путеводитель обещал не только дворцы, но и парки, сады, храмы, беседки, театры, водоемы, мосты... Девушка не представляла, как охватить весь этот лабиринт – нет, за один раз невозможно.

«Запретный город... – думала Алиса, медленно следуя в толпе за экскурсоводом. – Таким он был раньше. Но не сей-

час... уже не запретный. Нереально красиво! И я хожу здесь, словно императрица давних времен. Как... Цыси...»

И странно – сквозь восторг опять повеяло холодом. Пока что – мимолётным. Но девушка невольно перестала слушать экскурсовода.

Всем сердцем она почувствовала: здесь начинается то, чего она так жаждет – прикосновение к прошлому.

Почему ей кажется, что в море разноязычных туристов она – особенная? Что все эти причудливые ворота и красные здания с массивными рыжими крышами, все эти прелестные водоёмы и мосты только делают вид, что загадочно замерли в безвременье, потеряв счёт годам? Алисе чудилось, что ей – и только ей! – они шепчут сейчас: «Вперёд! Не бойся. Лишь протяни руку... и коснёшься неба».

Русская девушка и впрямь едва не протянула куда-то чуть вздрогнувшую ладонь, повинуясь почти потустороннему зову... и вновь накатила картинка, показанная зеркалом четыре года назад.

Страх. Боль. Смерть. Крови так много, словно ей вдруг обернулись и красные стены бывших императорских дворцов. Алисе показалось, что её рука почернела, как у несчастного служителя католического храма из видения, обгоревшего и избиваемого... Девушка в ужасе зажмурила глаза.

Это не небо. Это ад.

Бледная как смерть, она медленно шла в толпе, то и дело толкаемая шустрými туристами. Двигалась по наитию, не

понимая, куда идёт. В ушах звучали артиллерийские залпы, шипение огня на живой плоти, страшные крики и стоны... Тонкие ноздри Алисы вздрагивали, словно их забивал запах гари, а зрение мутилось от слёз. Внезапно боль пронзила затылок, и девушка едва удержалась от вскрика. Ей почудилось, что её ударили сзади палкой...

«Эти здания ни в чём не виноваты, – заставила она себя подумать, удерживаясь на грани сознания. – Но они всё знают. И помнят».

Стараясь размеренно дышать, Алиса цеплялась за реальность, отгоняя видения. И они наконец оставили её.

Вернулись нормальные звуки и запахи, несмолкаемый говор... блеск и красота. Экскурсовод был уже где-то далеко.

Девочка в длинной футболке и шортах на каком-то странном английском хвасталась ярко разодетой женщине новоприобретённым веером. Алиса, медленно привыкая к тому, что она снова здесь, в Запретном городе, тоже решила зайти в магазин сувенирчиков. Уникальные вещицы немного её развлекли, слегка развеяли тревогу, и она долго смотрела почти остановившимся взглядом на крошечного нефритового дракона.

«Ничто настоящее не умирает... Вечны душа и красота. Если мне показывают боль и смерть – значит, для чего-то это нужно. Но... для чего?»

Сама не заметив как, журналистка купила зелёного дракончика, и это отвлекло её от тревожных философствования.

ний.

Больше ничего смотреть в дворцовом комплексе Алиса не захотела и пошла на выход. Ей казалось, что страх унялся, но не тут-то было.

Когда перед взглядом девушки заблестела голубая гладь реки, она перестала видеть окружающее. Не осталось ничего напоминающего о сегодняшнем дне. Словно в воздухе растворилась группка шумных китайцев, в которых даже несведущая иностранка признала провинциалов.

Ничего и никого... только у воды – высокий узкоглазый парень обнимает милую рыжеволосую девушку.

И сердце снова резкой болью разорвало на части...

Зеркало... непонятный кусок бронзы, вобравший в себя тоску двух людей, черноту их обуглившихся мечтаний, страдание от душевных ран... Благословение на тебе или проклятье?

Картинка вдруг стала чёрно-белой, как в негативе. Странный шум обволакивал мозг. Алиса закрыла глаза и заткнула уши.

Зачем?!

«Зачем ты меня мучаешь? Куда ведёшь? – вопросы вновь терзали враз потяжелевшее сердце. – Облегчило ли ты участь моей прапрабабки, впитав в себя часть её тоски? Которую вливаешь теперь в меня... Ты злая вещь? Мне никак тебя не понять... Что ты такое? Дай знать!»

Алиса кое-как доплелась до какой-то скамейки и упала на

неё почти без чувств.

Прошло не меньше получаса, прежде чем слабость отступила, сердцебиение пришло в норму, мысли окончательно прояснились. Девушка вновь почувствовала себя здоровой, но задумчивость не покидала её.

Алису уже не интересовали исторические достопримечательности Пекина. Не развлекали удобства и роскошь первого класса отеля. Она считала минуты до того времени, когда можно будет наконец-то вызвать такси и отправиться к человеку, любезно откликнувшемуся на просьбу о встрече.

Но когда Алиса Гончарова оказалась у нужного ей дома на склоне горы Дунлин...

Все вновь вылетело из головы. Перед девушкой был целый комплекс, окружённый чудесными деревьями, непривычными взгляду русского человека.

Старинный китайский дом, как из сказки. Он не просто по-восточному прекрасен, он несёт на себе отпечаток особой азиатской изысканности, древней гордости, передаваемой из поколения в поколение. В загадочном вечернем свете особняк казался невероятным, почти призрачным... Его уверенно окружали другие здания, видимо, более поздние пристройки. И во всём – отблеск величия и безусловного достатка.

Вот здесь-то и жил историк Лань Тау.

«Боже мой! – в смятении подумала Алиса. – Зачем я сюда приехала? О чём вообще думала? Это же семья миллиар-

дерев, сливки общества. Кто тут захочет выслушивать мои страшные сказки, пусть и к ночи?»

Но такой уж она была – чем жутче, тем отчаяннее подхлестывало вперёд.

На минуту Алиса замерла перед всем этим великолепием.

«Но что за глупые мысли? – подумала она. – Богатые или не очень, русские, китайцы... мы все люди. С чего мне бояться и переживать?»

Но она, конечно же, боялась и переживала. Хотя знала, что выглядит хорошо. Даже очень. Фигуру приятно облегал брючный костюм, не вычурный, но элегантный. Дорогая ткань – тёмно-зелёная, глубокого малахитового оттенка. На её фоне особый блеск приобретали распущенные по спине длинные локоны, чуть присобранные у висков. Закрытые чёрные туфли на высоких каблуках. Немного неяркой помады, но длинные тёмно-рыжие ресницы и светлая кожа с природным нежным румянцем не нуждались в косметике.

А еще – изящная, но вместительная сумка. В ней – зеркало, из-за которого она, Алиса, здесь. Магическая вещь вернулась на родину... она чего-то хочет... ждёт... торопит.

«Хватит дрожать, Гончарова, – приказала самой себе Алиса. – Лань Тау сегодня увидит зеркало. Я так решила».

Глава 8

Когда Тау открыл дверь, перед ступеньками стояла именно она. Девушка, личное дело которой он прочитал от начала до конца раз сорок. Чьи зелёные глаза с фотографии не давали покоя, выбивая всегда сдержанного мужчину из равновесия. В груди разрастался комок энергии, взявшийся невесть откуда. Одновременно раздражающее и интригующее чувство, доселе не испытанное историком. Такого любопытства он ещё не ощущал по отношению ни к одной из женщин.

Молчание затянулось. Двое смотрели друг на друга, но первой опомнилась Алиса. Хотя ей было не по себе. Когда открылась дверь, девушка ощутила одновременно и облегчение, и новую волну мурашек. И сейчас она впивалась взглядом в незнакомого мужчину, показавшегося ей не слишком-то похожим на впечатляющие изображения в сети. Тогда Алиса попыталась спрятать волнение под мягкой, немного застенчивой улыбкой.

– Добрый вечер, Лань Тау, – произнесла она, впрочем, довольно уверенно на английском, странно звучащем из-за акцента. – Как ваши дела? Я Алиса Гончарова. Спасибо, что любезно согласились на встречу.

И протянула ему ладонь для рукопожатия.

Мужчину тут же передернуло от этого странного выговора и наглости. Сморщив нос и кивнув, он жестом пригласил

незнакомку в дом. Уже поворачиваясь к ней спиной, произнёс приветственные слова на родном языке:

– Wǎnshàng hǎo, hěn gāoxìng huānyíng nín lái dào wǒjiā!
(Добрый вечер, рад принимать вас в своём доме). I don't speak Russian at all, but I speak English perfectly (Я совсем не говорю по-русски, но в совершенстве владею английским).

Алиса ощутила холод внутри. Лань Тау как будто не заметил её протянутой руки. Это была не просто невежливость, хуже – демонстрация неприязни. Сомнения снова обрушились на девушку беспощадной волной. Зачем? Зачем она здесь?

Но делать было нечего, и она вошла в дом вслед за хозяином, неловко бубня себе под нос:

– Я тоже говорю по-английски. Наверное, на этом языке нам и стоит продолжить беседу.

Негодование, вот что Тау испытывал в этот момент. Молодая, весьма эрудированная особа поздоровалась первой. Как гром среди ясного неба, чему вообще учат этих русских женщин дома. Никакого уважения. Девчонка, как минимум, должна была обратиться по статусу (господин), не говоря уже о том, что в приветствии не принято спрашивать про дела. А эта протянутая рука... Рукопожатие – нарушение личного пространства, бесцеремонное в него вторжение.

Обутый в свои повседневные бэнь сё, он мягко ступал по деревянному полу. Его узкие укороченные тёмные брюки хорошо сочетались с домашней обувью, а тонкий пиджак по-

верх белой рубашки подчеркивал стройность и крепость фигуры.

Медленно двигаясь по комнате, больше напоминающей музейный выставочный зал, Тау не заметил, как потерял голову. Залюбовался картинами с фрагментами китайской истории, которые украшали стены с огненно-красным орнаментом. Полки с оружием и древними статуэтками, всё это было наследием семьи Лань, чем мужчина несомненно гордился.

В умиротворяющей атмосфере послышалось ёрзанье и лёгкое цоканье каблучков.

Повернувшись, Тау обнаружил, что Алиса в нерешительности стоит на месте и сверлит его пронзительным взглядом.

– Ах, да, простите. Забыл показать.

В два шага длинные ноги мужчины донесли его обратно ко входу. Одним движением руки он распахнул нишу, в которой аккуратными рядами были уложены белые тапочки. Все одного универсального размера. Алиса, не раздумывая, сняла свои элегантные лодочки и натянула хлопковую обувь, став на десять сантиметров ниже. Шагая за мужчиной, она пыталась подтянуть брюки хоть немного повыше, чтобы лёгкая ткань не собирала пыль с пола, но у неё ровным счётом ничего не вышло. Классические брюки можно было только подкатить снизу, что выглядело бы весьма странно.

– Проходите и присаживайтесь. Могу я предложить вам тёплой воды?

Алиса с любопытством разглядывала кабинет, исполненный в классическом английском стиле. Переход от традиционно-китайского к европейскому её, несомненно, удивил. Аккуратно присев на край кожаного кресла, она начала раскладывать перед собой всё необходимое для интервью. И тут до девушки дошло, что хозяин спросил что-то странное. Но Алиса особо над этим не задумалась, она была расстроена бесцеремонным приветствием Лань Тау и, как ей казалось, его враждебностью.

– Я не хочу сейчас пить, спасибо...

Густые, но весьма эстетично оформленные брови мужчины съехались у переносицы. Отказаться от воды в китайском доме было верхом бестактности. Неужели она действительно ничего не знает о Китае и его укладе? Размышления были прерваны ангельским голосом, которым внезапно заговорила Алиса на беглом английском:

– Я ознакомилась с переводами ваших ярких работ, мистер Лань, посвященных императрице Цыси... – начала она издалека, включив диктофон. – Похоже, что ваша позиция в оценке восстания ихэтуаней весьма однозначна, и она мне импонирует. Я не могу назвать своих единомышленников, зверски убитых повстанцами, сожжённых заживо, иначе чем мучениками. Среди них были дети, даже младенцы... И в то же время очень понятны изначальные побудительные причины восстания. Я всегда считала, что кровопролития такого масштаба оправданы, когда речь идет об освободительной борь-

бе. О, нет, я вовсе не для исторической беседы напросилась на эту встречу. Прошу вас...

Пора... Сердце забилося ещё сильнее, а мурашки, кажется, так и не проходили.

– Дело в том... – медленно продолжила девушка, тщательно подбирая английские слова. – То, что я сейчас скажу... покажется вам странным. Но очень прошу, выслушайте меня до конца! Поверьте... я сама видела те давние пекинские события... тысяча девятисотого года. Случилось нечто необъяснимое... и мне их показали.

Во время этой речи Алиса вытащила из большой папки несколько чётких карандашных рисунков. Чёрно-белые изображения, но очень выразительные, с тонкой прорисовкой деталей...

– Я зарисовала по памяти все, что смогла, – продолжила она, все сильнее волнуясь и не выпуская рисунки из рук. – Императрица Цыси, а это – совсем маленький кусочек того восстания. Но боль была вовсе не маленькой...

На Алису накатили воспоминания об ужасе, испытанном сегодня днём. Если этот не слишком приятный человек не поможет ей... Надо убедить его, во что бы то ни стало!

– Я слышала странную мелодию, которую насвистывали ваши солдаты, – говорила девушка, чуть побледнев, – и жуткие крики спасшихся из огня, которых добивали бамбуковыми палками. Слышала, как умирающий католик едва ли не в безумии шептал: «Benedici e salva...» Вопли и кровь... кровь

езде... обгоревшие руки, разбитые головы... Сегодня в Запретном городе я уже не увидела, но почувствовала чужие страдания. Этого я не забуду никогда. Слишком страшно...

В эту минуту Алисе было уже всё равно, как китаец её встретил, почему не пожал ей руку. Она поймала взгляд его чёрных глаз. Важно одно – чтобы он поверил. Хотя бы чуть-чуть....

– У меня было несколько таких видений. Это связано с моей семьёй... и с вашей семьёй, Лань Тау. Взгляните, – Алиса указала на два рисунка. – Это ваш предок, Лань Чжиюй. Вот он же с моей прапрабабкой, Анастасией Костровой. Вам знакомо это имя?

Журналистка замолчала, чтобы перевести дыхание. Её глаза ярко горели от волнения, которое она уже не могла и не хотела скрывать. Побледневшие было щёки вновь окрасились румянцем.

– Существует волшебное зеркало. Эту чудесную вещь Лань Чжиюй отдал при прощании своей русской возлюбленной... на память. Это я тоже видела... С тех пор зеркало хранилось в семье Гончаровых. Дед подарил мне его на шестнадцать лет. Тогда и случилось первое видение. Едва зеркальной поверхности коснулся солнечный луч, передо мной появилась, как я потом поняла, императрица Цыси. С перерывами в несколько лет зеркало неожиданно показывало мне что-то, связанное с нашими предками, мистер Лань. И... я бы не хотела, чтобы было по-другому. Не хочу отказывать-

ся от внезапно ворвавшегося в меня знания! – произнесла Алиса с нажимом. – И от памяти моей прапрабабки... Но и страдать не хочу. А всё это мучает меня, я будто проживаю чужую боль раз за разом, как свою. Я никому об этом не говорила, – призналась девушка. – Прилетела в Пекин, чтобы рассказать именно вам. Чтобы попросить у вас совета... и помощи. Что мне делать? Подскажите... Пожалуйста, Лань Тау, помогите мне!

Глава 9

Слова девушки застали Тау врасплох. Он ожидал чего угодно, но не того, что только что услышал. Историю своего далёкого предка он знал, она много раз проговаривалась дедом как легенда и была отражена в сохранившихся дневниках самого Чжиюя. Но никогда Тау не мог представить, что предание получит хоть какое-то продолжение.

Постучав длинными пальцами по крышке стола, мужчина отправился к винному шкафу и нервно отодвинул пальму, которая сейчас его сильно выбесила своим месторасположением.

– Вино вы хотя бы пьёте?

– А? Да, – закивала Алиса, понемногу приходя в себя. – Вино пью...

Длинная взволнованная речь выбила девушку из колеи. Она ещё сильнее покраснела, вспомнив, как мистер Лань предложил ей тёплой воды, и какое у него было лицо, когда она отказалась. Алиса набралась храбрости и уточнила:

– А что насчёт воды? Простите, я не поняла. Это какой-то ваш обычай – поить гостей тёплой водой?

Откупоривая початую бутылку красного вина, Тау пожал плечами и не поворачиваясь произнёс:

– Алиса, выскажите истинную цель вашего приезда. Я уяс-

нил информацию из вашей речи, и насчёт сказанного должен подумать. Буду с вами честен. Но вот для столь умной девушки не знать ничего о китайских обычаях довольно странно. Я отвечу на ваш вопрос, но и вы, будьте добры, ответьте.

Повернувшись, Тау увидел в тёплом свете лампы прекрасные зелёные глаза, выражавшие уверенность. Такие глаза не могли врать. Он чувствовал, что девушка не обманывает, но как это возможно? Зеркало, Цыси, любовь их родственников... Как себя с этим отождествлять, не укладывалось у Тау в голове. Чем он, простой историк, мог быть полезен? Учтивая, что в колдовство он ничуть не верил. Даже в астрологов, не говоря уже о какой-то ворожбе.

Подойдя ближе, Тау поставил бокал перед Алисой и отошёл к столу, присев на его край совсем по-мальчишески.

– Не молчите, Алиса! Зачем вы приехали ко мне? Чем я могу вам помочь? Почему, к примеру, вы не пошли к моему брату? А с водой всё просто, она улучшает пищеварение. Её принято пить перед ужином. Кстати, еду подадут совсем скоро.

Наблюдая за реакциями девушки, Тау не замечал в них ничего странного. Он видел волнение от неловкости. Видел смущение от обстановки. Но единственное, чего не заметил ни разу – хитрости. Он, взрослый мужчина, был знаком с большим количеством женщин. Некоторых держал рядом ради удовольствия, других ради забавы, и все они хотели одного – подобраться к деньгам Лань. Но девушка, сидящая

сейчас перед ним, скромно озираясь по сторонам, совсем не походила на охотницу за сокровищами. Или это такой мастерский заход? Может, решила наверстать промах бабули и потребовать ту часть наследства, что Лань Чжиюй завещал Анастасии?

Информацию про ужин Алиса пропустила мимо ушей. Она сделала глоток вина, и приятное тепло тут же разлилось внутри, а напряжение в мышцах ослабло.

– Я ничего не знаю о китайских обычаях по очень простой причине – не интересовалась вашей прекрасной страной до недавнего времени. Даже первое видение девять лет назад не пробудило во мне увлечение Китаем. Но тогда я была ещё совсем девчонкой. А потом просто испугалась и решила попытаться обо всем забыть. Не вышло. Решение лететь к вам пришло ко мне спонтанно, после того, как зеркало показало мне вашего предка и мою прапрабабушку.

Алиса на секунду приостановилась, но тут же откровенно выпалила:

– Мне показалось, что вы и Лань Чжиюй – очень похожи. Что вы – почти что он. И поэтому можете знать то, что было известно ему. Странно звучит, понимаю. Вы верите в мистику? Я уже не могу не верить. И я подумала, что если зеркало хранит какой-то невероятный секрет, то именно вы его раскроете. И... я сама не знаю, чего ожидала от вас. Что вы подскажете мне какой-то ритуал? Молитвы? Мантры? Чтобы я успокоилась и не думала постоянно о тоске двух уже умер-

ших людей, которая грызёт меня теперь непонятно почему. Я... я, может быть, ещё просто хотела выговориться... чтобы меня поняли. Потому что тяжело носить в себе такое. Но я бы никому ни за что не решилась рассказать. Только вам. Да, мне следовало перед полётом в Пекин изучить ваши обычаи и принятые у китайцев правила хорошего тона. Простите. Я страдаю некоторой рассеянностью и порой забываю элементарные вещи, сосредоточившись на чём-то одном. А в этот раз я просто зачиталась вашей книгой!

Тут Алиса отвела волосы со лба растерянным жестом, осознав – ляпнула нечто, что Лань Тау вполне может счесть за попытку подлизаться.

– Это правда, – быстро проговорила она. – Вы не только знаменитый историк, но и потрясающий писатель. Я и сама мечтаю написать книгу... Простите, вам это неинтересно. Позвольте мне только задать ещё один вопрос: почему вы не пожали мне руку в знак знакомства? Ведь это же выражение явной неприязни, даже пренебрежения. Но почему? Вы сами согласились на встречу, мистер Лань Тау, а я не сделала вам ничего плохого.

Китаец, до этого выглядевший очень серьёзным и сосредоточенным, расхохотался в голос. Он, старинный индюк, откровенно напал на бедняжку. Его можно было бы оправдать, если бы жил Тау традиционной китайской жизнью и никогда не видел людей из европейского общества. Но это было совсем не так. Мужчины семьи Лань получали обра-

зование в престижных учебных заведениях других стран и жили такой же жизнью, как и студенты со всего мира. Ели вилкой, пили колу, пользовались услугами женщин за деньги. Но почему именно с этой девушкой он решил показать себя истинным китайцем, Тау так и не понял.

– Алиса, простите меня. Я был не прав. Да, вы гость в моем доме, но не обязаны знать наши традиции и почитать их. В нашей стране просто не принято касаться незнакомцев. Один – речь о личном пространстве, два – не гигиенично. Простите, я больше так не буду.

Проговаривая эти слова сквозь смех, Тау даже не осознавал, насколько легко ему давалось общение с незнакомкой из такой близкой, но такой далёкой страны.

И этот искренний и заразительный смех не остался незамеченным в доме. Сегодня резиденция Лань принимала ещё одну, немаловажную, гостью. Сюин стояла под дверью кабинета Тау и сжимала кулаки от досады. Служанка предупредила её, что жених встречается с журналисткой. И самолюбие девушки сейчас трещало по швам. Мало того, что человек, отвращающийся от журналистов, пригласил женщину в дом, так ко всему прочему смеётся с ней как ребенок.

Сюин готова была уже ворваться внутрь, когда внутренний голос остановил её. Лучше понаблюдать. Услышать, а не увидеть – вот цель, которую внезапно поставила себе раздосадованная невеста.

Глава 10

Алисе очень нравилась мысль – характер человека можно определить по тому, как он смеётся. И когда засмеялся Тау, её словно накрыло тёплой волной, и отлегло от сердца. Стало вдруг так спокойно и хорошо. Получилось же найти в этом мужчине... да хотя бы просто внимательного слушателя? Ведь и правда, насколько легче после того, как выговорились.

– Я тоже больше так не буду! – девушка и сама засмеялась, тихо, но звонко. Смех её был очень приятным. – Спасибо, что объяснили мне всё, мистер Лань. И хотя у нас в России любят повторять, что правила для того и существуют, чтобы их нарушать, я постараюсь так не делать. Обязательно почи-таю сегодня вечером в отеле о ваших обычаях... Ой, диктофон!

Отдаваясь порывам настроения, Алиса порой становилась немножко неловкой и несобранной. Вот и сейчас она случайно задела диктофон, лежащий на подлокотнике кресла, и тот полетел на пол.

Девушка подняла его со смущённым видом.

– Всё в порядке, запись идёт. Хотя это и не совсем интервью, но всё же... Вы сказали, Тау, что вам нужно подумать, – продолжила она. – То есть сейчас вы ничего не можете рассказать? Прошу вас, посмотрите рисунки... даже если я вас

не убедила – это же неплохие рисунки. Я закончила художественную школу с отличием, достоверно изображаю по памяти хоть раз увиденное. Пожалуйста! Вдруг вас привлекут какие-то детали, докажут вам, что я действительно видела всё это...

Тау подошел ближе и взял из рук девушки изображения. Он попытался сконцентрироваться на образах, но в голове творилась неразбериха. Сомнения одолевали его, ввергая разум в хаос. Отложив предполагаемые видения едва знакомого человека, мужчина щёлкнул костяшками пальцев и, смочив горло глотком вина, решил расставить приоритеты:

– Милая Алиса, мне хочется вам верить, и история ваша до изумления впечатляющая, но поймите и меня. Чтобы найти какое-то решение, необходимо знать, с чего начать. Нутром чувствую, что вы пришли в мой дом не для обмана, но я хотел бы знать больше. Возможно, у вас есть ещё какая-нибудь информация, или, допустим, вы смогли бы показать ваш артефакт?

– Конечно же! Ведь я для этого и принесла его в ваш дом. Вот видите, Тау... не просто же так я жаловалась на рассеянность...

Цинь Сюин всё это время стояла у стены, прислушиваясь к голосам, пока на лестнице что-то не зашуршало. Она метнулась в сторону и скрылась за первой же дверью, чтобы не быть обнаруженной.

Алиса тоже отпила ещё вина, удивительного вкусного и

действующего на нее расслабляюще, осторожно поставила бокал на подлокотник кресла. А потом потянулась к сумке...

– Вы можете оставить его у себя на время, – сказала девушка, внутренне поколебавшись. Она немного занервничала – забыла, в какое именно из отделений сумки засунула вещь, и та упорно не желала находиться. – Я ещё немного побуду в Пекине. А насчет информации – мне самой очень хочется узнать больше! Потому что в моей семье почти не сохранилось сведений о жизни наших предков в Китае. Знаю только, что Анастасия Кострова ждала Лань Чжиюя семнадцать лет... Почему он не приехал за ней?

Тау внимательно, но с лёгким нетерпением наблюдал за движениями Алисы. А она продолжала искать зеркало, приговаривая:

– Мистер Тау, хочу сказать, что очень хорошо вас понимаю. Не представляю, как бы сама отреагировала на вашем месте... Спасибо большое, что выслушали меня и не сочли за сумасшедшую. И вы можете задать мне любой вопрос, я отвечу на всё, что смогу.

– Давайте начнём с малого, а там уже решим, как действовать дальше. На некоторые ваши вопросы есть ответы. К примеру, почему мой предок не приехал за вашей бабушкой. Дом в центре Пекина, где жила семья Лань, был разрушен до основания повстанцами, и Чжи бежал сюда, в то место, где мы сейчас находимся. В Китае тогда были тяжёлые времена, и семье Лань пришлось строить жизнь с нуля. Всё, что у них

было, исчезло в один миг. Потребовалось двадцать лет, чтобы восстановиться. Уверен, что через двадцать лет Чжи уже не надеялся на то, что в холодной стране его кто-то ждёт.

Металл зеркала замерцал в тускло освещённой комнате, когда Алиса вытянула руку с овальным предметом. Такое явление мужчина видел впервые, поэтому поспешил выхватить любопытную вещицу у гостыи.

Но как только зеркало оказалось у Лань Тау, он почувствовал резкий приступ нестерпимой тошноты и головокружения, словно земля под ним начала колебаться. Сердце забилось быстрее, заполняя сознание тревогой и беспокойством. Лицо мужчины побледнело, на лбу выступили холодные капли пота. Он пытался устоять на ногах, но слабые колени подгибались, из-под них будто вытекали последние капли энергии. Стены комнаты казались скользкими и готовыми поглотить его, как песчаные дюны поглощают неосторожного путника. Тау хотел сжать кулаки, чтобы сохранить контроль, но безвольные пальцы утратили силу.

Тошнота стала непереносимой, подобно бушующему океану, разбивающемуся о скалы. Лань Тау пытался сдержаться, дрожащими руками цеплялся за крышку стола, но облако тумана заволакивало разум. Почти прозрачные нити реальности ещё сильнее утончались, исчезая в неведомом направлении. Историк ощущал, как она ускользает, словно ветер носил его куда-то вдаль. Пол под ногами начал рассыпаться, и привычный мир исказился до неузнаваемости. Голова кру-

жила, а пульсация в висках была подобна искрам, готовым вспыхнуть в огне.

Тело, будто марионетка в руках невидимого кукловода, не слушалось желаний хозяина и стремилось взлететь в небесную высь, пока тягучие пальцы тошноты и головокружения сжимали горло, не позволяя вдохнуть свежего воздуха.

Внезапно Лань Тау понял, что уже выпал из равновесия, как на краю пропасти. Но едва он достиг дна, болезненные ощущения отпустили безымянное тело, и Тау упал на пол, рассредоточенный и обессиленный.

Мучительный приступ прошел, оставив мужчину ошеломлённым и внутренне израненным. Восстанавливая дыхание, он понимал, что никогда не сможет забыть силу, которая проникла в него сейчас, потрясая до самых глубин души.

Глава 11

Алиса думала, что на сегодня ужасы уж точно закончились. Но когда с Тау стало твориться что-то неладное, ледяные иглы будто впились в сердце ей самой. Мужчина пошатнулся, и она, вырвавшись из оцепенения, бросилась к нему, чтобы поддержать. Но не успела – Тау упал на пол, и девушка опустилась на колени рядом с ним.

Со щёк Алисы сошёл весь привлекательный румянец, теперь она была сильно бледна, а в больших глазах плескался страх. И в то же время её лицо отражало неподдельную тревогу и сострадание.

– Тау, что с вами?! Тау? Очнитесь! Это... зеркало, да? Чёртова штуковина!! – выдохнула Алиса в сердцах по-русски. – Что же теперь делать?

Но увидев, что историк приходит в себя, тут же постаралась помочь ему приподняться.

Он ошарашенно смотрел на бронзовый овал, лежащий на полу, не веря в то, что произошло сейчас с ним, до недавнего времени адекватным человеком. Шум в ушах совсем прекратился. Тау попытался вдохнуть полной грудью, но в нос вместо свежего воздуха ударил лёгкий цветочный аромат. Только тогда он понял, что его поддерживает хрупкая рыжая девушка с невероятными зелёными глазами. Алиса казалась ему ангелом с ореолом над головой. В следующую

секунду от пристального взгляда китайца смущённая Алиса отскочила в сторону. Тау нахмурился и произнёс:

– Вы сами всё видели. И я не знаю, что вам на это сказать. Могу признаться, что ощущения были очень жуткими. С вами так происходило каждый раз?

В дверь раздался короткий стук, и служанка что-то очень быстро проговорила на китайском. Мужчина ответил ей односторонне.

– Идёмте, договорим за столом.

За столом? Её что, только что позвали на ужин? Алиса была сейчас в таком смятении, что естественная, в общем-то, вещь выбила её из колеи. Подхватив зеркало с пола и сунув его обратно в сумочку, девушка покорно последовала за историком. Она пыталась успокоиться, привести мысли в порядок. Но увиденное сильно тяготило. Всё больше она склонялась к тому, что зеркало – не благословение, а проклятье, таинственное жестокое наследие. А ещё у нее до сих пор учащенно билось сердце из-за того, что она действительно испугалась за Тау...

И вот как сейчас усаживаться за китайский стол? Да и куда садиться, азиаты разве дома едят не на полу? Ещё наверняка в таком традиционном доме подадут палочки для еды. И что она станет делать? Тау хотя и обещал впредь относиться снисходительно к её невежеству, но девушка все равно очень нервничала.

Но из колеи выбита была не только Алиса. От стыда Тау

с трудом держал шею прямо. Лучше бы провалиться сквозь землю, лишь бы никто не видел его позора с обмороком. И единственное, о чем он сейчас грезил – аппарат МРТ, способный объяснить столь внезапное ухудшение состояния здоровья. Вряд ли виной всему кусок металла, а выпалил он гостя в замешательстве первое, что пришло в голову, лишь ради того, чтобы не упасть в грязь лицом.

Но Алиса этого не знала и думала, что единственно хорошее в сложившейся ситуации – это то, что Тау ей поверил. Это было важно. Не оставаться наедине со своими страхами. А ещё... почему-то просто хотелось, чтобы он ей верил.

Тут же девушка спросила себя: а имеет ли она теперь право оставлять в его руках такую опасную вещь? Боже, она же понятия не имеет, что именно притащила в этот дом! Хотелось всё-таки заговорить, высказать все сомнения... но они, кажется, уже пришли.

Двери из рисовой бумаги разъехались от лёгкого прикосновения Тау, и перед взором открылась чудесная картина. Посреди зала стоял вполне обычный стол из тёмного дерева, накрытый полупрозрачной кремовой скатертью. Но когда Алиса взгляделась в то, чем он был заставлен, у неё захватило дух.

Ничего похожего на этот праздничный стол с яркой едой девушка не видела в повседневной жизни. Ароматы и цвета разнообразных блюд манили и завораживали. Среди них царила аппетитная свежесваренная лапша под экзотическим

глазурно-прозрачным соусом. Затем взгляд Алисы переместился к разделанной румяной птице, и это была не курица, скорее, утка. Рядом располагались тарелочки с соусами, необычные фруктово-овощные рулетики – свежие овощи морковного цвета, скрученные вокруг нежных и сочных фруктов. Тут же – изысканные роллы из овощей, рыбы и чёрной икры, выложенные на огромную каменную доску и украшенные бутонами цветов, чтобы радовать глаз.

На самом краю стола ютились маленькие круглые десерты. Они привлекали внимание ярким желтым цветом и интересной текстурой. Но это было не всё. Некоторым блюдам Алиса даже не могла дать определение. Она обернулась на Тау с вопросом в глазах, а потом негромко произнесла, пряча растерянность за лёгкой улыбкой:

– Как красиво... Я уже знакома с китайской кухней... но совсем чуть-чуть. Боюсь, Тау, я даже не знаю, как подступиться к таким блюдам... – И выпалила наконец свой главный на данный момент страх: – Их явно едят только палочками.

Мужчина, с трудом вернувшийся к душевному равновесию, вздёрнул уголки губ и жестом пригласил девушку к столу.

Пройдя внутрь, Алиса изумилась ещё сильнее. Она почти раскрыла рот, увидев стену-водопад.

– Это не рукотворная стена, – пояснил Тау, – Она природная. Ключ, бьющий прямо из скалы. Возьмите бокал, попро-

буйте. Вода очень вкусная.

Двери съехались обратно, когда мужчина немного подтолкнул бамбуковые ручки. Атмосфера тут же изменилась. Приглушённый свет, лёгкое пение птиц и журчание воды не только подогревали аппетит, но и располагали к дружескому общению.

Тау стоял в стороне, смотрел, как Алиса с наслаждением пьёт воду из прохладного источника, и задавался уймой вопросов. Начиная с того, почему при взгляде на рыжеволосую иноземку испытывает такой трепет, что в его животе щекочет нечто похожее на описание пресловутых бабочек, и откуда они взялись. Странно, но ему нравилось. На некоторое время Тау даже успел забыть, что совсем недавно с ним произошло.

– Алиса, вы знаете, я преуспел в преподавании истории, но рассказывать, как пользоваться куайцзы, мне не приходилось. Попробую, я определённо не против это сделать... научить вас.

Но именно сейчас Алиса, повернувшись на голос, заметила боковым зрением, что рядом с тарелками явно европейского вида лежат обыкновенные столовые приборы.

Изумлению её не было предела. Она немного покраснела и легко рассмеялась. Губы Тау растянулись в улыбке, и он тоже начал смеяться.

По стене с другой стороны комнаты сползала девушка, ли-

цо которой было залито слезами.

Глава 12

Сюин, чувствуя, что все её мечты и надежды рушатся, медленно сползала по стене и плакала. Брызги горьких слёз окутывали белоснежное лицо, а сердце разрывалось от боли и разочарования.

Она не могла поверить своим глазам и ушам. Каким-то необъяснимым образом её любимый мужчина, вечно равнодушный и невозмутимый, вдруг забыл о том, что он айсберг. Наслаждаясь разговором с первой встречной журналисткой, смеялся и радовался, словно не помнил, что у него есть невеста, любящая безусловно и безоговорочно.

Ревность жарким огнём охватывала разум. Сюин чувствовала, как её доверие и верность разлетаются на кусочки. Слёзы влажными дорожками текли по щекам, смешиваясь с горечью оскорбления. Она была бессильна перед тем, что происходит. Мечты о счастливой жизни умирали, оставляя её в океане любви, полном предательства и разочарований.

А разговоры в комнате не смолкали:

– Держать китайские палочки в руках – это искусство, которое требует некоторой практики, – мужской голос был спокойным. – Возьмите палочки и разделите их так, чтобы они были параллельны друг другу. Убедитесь, что они примерно одинаковой длины.

– Ну, это не сложно, – от волнения Алиса говорила чуть

громче обычного. И каждый звук этого голоса как игла протыкал сердце Сюин.

– У вас отлично получается. Теперь перекрестите палочки с одной стороны на треть их длины. Держите верхний конец палочек в одной руке. Отлично, Алиса, вы молодец! – учитель терпеливо молчал, по всей видимости, ожидая, пока ученица освоит навык, – Плотно сожмите верхний конец палочек указательным и большим пальцами. Это поможет сохранить хватку и контроль над процессом.

Сюин закипала изнутри, ей хотелось ворваться к ним и кинуться на соперницу, хихикающую за столом с её женихом, но она не могла просто так это сделать. Отец молодой китаянки был строгих правил, и если бы узнал, что его дочь подслушивает, тотчас бы её выпорол или поставил на целый день в угол на колени.

– Нижний конец палочек держите указательным и средним пальцами в другой руке. Убедитесь, что палочки находятся на одинаковом уровне и в параллельном положении. Алиса, пальцы должны быть свободными и подвижными, чтобы обеспечить гибкость и точность движений при еде. Вот так, правильно.

Они оба продолжали хихикать.

– Когда вы берёте пищу, используйте движения верхней палочки, чтобы подхватить её, а затем контролируйте движение палочек с помощью нижних пальцев. Берите мясо, не стесняйтесь. Вам налить ещё вина?

– Вы прекрасный учитель, мистер Тау, да и от вина я не откажусь.

Тяжёлый деревянный стул издал скрежет, и от испуга Сюин подпрыгнула на месте. Но ей удалось не издать ни звука и остаться незамеченной. Крокот откупоренной бутылки эхом пронёсся по коридору. А Тау продолжил:

– Будьте терпеливы и не опускайте палочки во время еды. Постепенно развивайте свою ловкость. Помните, что держать китайские палочки – это навык, который приобретается с опытом. Не стесняйтесь тренироваться и экспериментировать, чтобы найти наиболее удобное и комфортное для вас положение в руках.

Но не только Сюин сегодня следила за этой парой.

Высокий молодой мужчина стоял в глубине лесной чащи. Его глаза, сосредоточенно устремлённые на китайский дом, изучали обстановку. Пытаясь разглядеть, что происходит внутри, он старался уловить мельчайшие движения и проникнуть в таинственную атмосферу, скрывающуюся за оградой.

Он вглядывался в небольшой просвет в окне, обрамлённом резными наличниками, надеясь уловить признак какой-либо жизни. Казалось, что она кипит там, скрытая от его глаз. Воображение светловолосого мужчины разгоралось живыми красками, преподнося множество возможностей и сценариев. Он представлял запретные страсти и интриги, что

могли разворачиваться за закрытыми дверями этого дома, пытался угадать мысли его обитателей и познать их тайные планы и намерения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.